

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Кафедра «Предпринимательское, конкурентное и экологическое право»

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.04.01. 2018. 344. ВКР

Руководитель работы,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры

_____ Игорь Петрович Пушкарёв
_____ 2020 г.

Автор работы,
студент группы Ю-344

_____ Сергей Валерьевич Амелин
_____ 2020 г.

Нормоконтролер, канд. юрид. наук,
доцент кафедры,

_____ Анжелика Витальевна Тихомирова
_____ 2020 г.

Челябинск
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ.....	3
1	ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ	
1.1	Понятие субсидиарной ответственности и ее правовая природа при банкротстве юридических лиц.....	11
1.2	Историко-правовые аспекты развития субсидиарной ответственности в законодательстве о несостоятельности.....	23
1.3	Субъекты и основания для привлечения к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства	35
2	ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ	
2.1	Участники обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц; границы субсидиарной ответственности...	48
2.2	Роль специальных презумпций в доказывании вины контролирующих должника лиц.....	59
2.3	Порядок рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.....	70
2.4	Вопросы защиты интересов лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в результате банкротства.....	80
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	97
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	102

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы. Несостоятельность (банкротство), безусловно, является одним из вероятных экономических состояний практически любого юридического лица–субъекта предпринимательства, и затрагивает обширный круг частных и публичных имущественных интересов.

С момента вступления в силу Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (далее – «Закон о банкротстве»)¹, и даже ранее, банкротство набирает популярность, как способ уклонения от исполнения платежных обязательств, в том числе (и в первую очередь) от уплаты налогов, а также как повод и средство вывода активов должника–банкрота контролирующими его лицами из-под угрозы реализации в целях удовлетворения требований кредиторов², что вызывает озабоченность законодателя.

С правовой точки зрения, несостоятельность юридического лица может восприниматься и как юридический факт, и как порядок разрешения статуса несостоятельности или как особое основание для ликвидации юридического лица, и как особый процесс – система процедур судебного производства по делу о несостоятельности. Тем не менее, одновременно банкротство является также и особым правовым режимом удовлетворения требований кредиторов³.

Реализация именно этого правового режима преследует одну из главных материальных целей банкротства – удовлетворение требований кредиторов несостоятельного должника за счет конкурсной массы, сформированной из его имущества и имущественных прав. Обеспечивают

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Аракелов С.А., Чекмышев К.Н. Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 146 – 158.

³ Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. С. 132.

этот правовой режим несколько связанных между собой инструментов, в том числе, но не ограничиваясь:

- а) публичный характер процедуры банкротства;
- б) запрет на удовлетворение индивидуальных требований кредиторов;
- в) коллективный характер расчетов с кредиторами на принципах очередности и пропорциональности.

Одним из таких инструментов, направленных на легальное формирование конкурсной массы несостоятельного должника, является заложенная законодателем возможность привлечь к имущественной ответственности лиц, контролирующих должника, или приравненных к ним.

В Российской Федерации это привело к принятию и развитию правовых норм о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц применительно к банкротству, которые эволюционировали в отдельный, «банкротный», правовой институт, отличный от общепринятого доктринального понимания и нормативного определения субсидиарной ответственности, как гражданско-правовой категории: из содержания действующей в настоящее время нормы следует, что действия контролирующих лиц изначально направлены во вред кредиторам, если не доказано иное.

Развитие этого правового института далось законодателю трудно. По статистике, публикуемой на официальном сайте Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, <https://fedresurs.ru>, далее – «Федресурс»), доля удовлетворенных арбитражными судами заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в связи с банкротством юридических лиц в 4 кв. 2015 года составляла всего лишь 4%. Столь низкая результативность привлекла внимание законодателя к развитию этого института. В ходе вносимых в законодательство изменений и по мере накопления правоприменительного

опыта этот показатель рос, и уже в 4 кв. 2018 года составил 45%. При этом, как сообщает Федресурс, соотношение числа заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и новых корпоративных банкротств во 2 кв. 2019 года достигло 52%, это рекордно высокий уровень¹.

Вместе с тем, являясь исключительным инструментом защиты имущественных интересов кредиторов несостоятельного должника, механизм привлечения к ответственности лиц, контролирующих должника, требует дальнейшего развития и совершенствования, в том числе с целью соблюдения конституционных принципов равенства перед законом и гарантий защиты, дабы исключить возможность объективного вменения для контролирующих должника лиц.

По-прежнему актуальным экспертами признается неразрешенное принципиальное противоречие между нормами законодательства о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника и принципами ограниченной ответственности участников и акционеров хозяйственных обществ.

Таким образом, вопросы и проблемы, возникающие в ходе привлечения контролирующих должника лиц к имущественной ответственности при банкротстве юридических лиц требуют внимания как со стороны ученых, в целях развития теории специальной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве, так и со стороны практиков, деятельность которых позволяет совершенствовать этот процесс в ходе правоприменения.

Степень разработанности темы. Отдельные вопросы правового регулирования субсидиарной ответственности применительно к банкротству юридических лиц были освещены в трудах следующих авторов: С.А. Аракелов, Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан, О.В. Гентовт,

¹ Риски субсидиарной ответственности при банкротстве компаний во 2 кв. 2019 года бьют рекорды (стат-релиз) [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/7a67d405-167b-4de0-af52-b8dd43baa6fb?attempt=1> (дата обращения 20.11.2020).

О.В. Гутников, Д.В. Добрачев, Р.Т. Мифтахутдинов, В.В. Орленко, И.Ю. Рыков, Е.Д. Суворов.

Вопросы, связанные с применением опровержимых доказательственных презумпций при рассмотрении судами заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц в своих трудах рассматривали такие авторы как С.И. Абрамов, А.И. Волынец, А.В. Лавриненко, В.И. Михайлова, П.М. Морхат, Е.А. Нахова

Объектом исследования выпускной квалификационной работы являются общественные отношения, возникающие в связи с привлечением контролирующих должника лиц и иных лиц, приравненных к ним, к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника.

Предметом исследования являются нормы действовавшего и современного законодательства Российской Федерации, в том числе федеральных законов, а также подзаконных актов, таких, как акты исполнительных органов власти, регулирующих отношения в сфере несостоятельности (банкротства) юридических лиц в связи с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в процессах банкротства зависимых от них юридических лиц, а также материалы правоприменительной практики.

Целями выпускной квалификационной работы являются: выявление и анализ теоретических и практических подходов и проблем правового регулирования в связи с привлечением к субсидиарной ответственности лиц, контролировавших или контролирующих юридическое лицо–должника, а также иных лиц, связанных с контролирующими, в рамках рассматриваемого в арбитражном суде дела о несостоятельности (банкротстве) такого юридического лица; установление особенностей рассмотрения арбитражными судами заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в процессе банкротства юридического лица; поиск

направлений для надлежащей правовой защиты имущественных интересов как кредиторов должника-банкрота, так и контролирующих должника лиц.

Для достижения указанных целей автор предпринял попытку разрешить следующие задачи:

- проанализировать российское законодательство в области установления гражданско-правовой ответственности различных субъектов, в применении к банкротству юридических лиц;

- найти и обособить характерные признаки субсидиарной ответственности, применяемой при банкротстве, учитывая ее особенную правовую природу в зависимости от оснований;

- рассмотреть процессуальные особенности, связанные с рассмотрением заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве;

- проанализировать и охарактеризовать допустимые в обособленных спорах доказательства и методы доказывания обоснованности привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника;

- Рассмотреть потенциальные методы защиты лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности при банкротстве хозяйствующего субъекта, и возможные в будущем альтернативы субсидиарной ответственности при банкротстве, с учетом отмечаемых тенденций правоприменения.

Методологическую основу исследования составили общенаучный и научно-научные методы познания объективной действительности. В работе использованы аналитический, сравнительно-правовой, логико-правовой, историко-правовой, формально-правовой методы исследования и др.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу исследования составили научные труды Е.Г. Афанасьевой, А.В. Белицкой, О.В. Гентовта, К.И. Евтеева, А.В. Лавриненко, А.Р. Николаева, И.Ю. Рыкова, Е.Д. Суворова.

Научная новизна выпускной квалификационной работы заключается комплексном исследовании правового института субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц. В работе предложена авторская интерпретация субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве как основной, с учетом особенностей привлечения к такой ответственности лиц, непосредственно не связанных с должником, или оказывающих на должника несущественное влияние, содержатся предложения по совершенствованию законодательства с целью исключения в будущем нарушения принципов равенства и состязательности сторон при рассмотрении арбитражными судами обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности.

В результате проведенного исследования сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту:**

1) субсидиарная ответственность бенефициаров и иных контролирующих лиц по обязательствам несостоятельного должника является особым и самостоятельным видом основной ответственности лица, связанного с должником-банкротом отношениями хозяйственного контроля или интереса, и имеет смешанную правовую природу;

2) автором предложен расширенный список лиц, соответствующих критериям относимости к субъектам субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности юридических лиц в зависимости от оснований, которые соответствуют нормам, предусмотренным действующим законодательством;

3) на основе системного анализа законодательства и правоприменительной практики автором проведена систематизация опровержимых презумпций, необходимых для определения предмета доказывания по обособленным спорам в связи с рассмотрением судами заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве;

4) автором доказан искусственный характер действующих презумпций и приведены доводы о необходимости законодательного ограничения применения указанных презумпций и повышения стандарта доказывания при участии в обособленных спорах о привлечении к субсидиарной ответственности некоторых категорий лиц;

5) автором доказано нарушение баланса интересов в части соблюдения конституционного права на судебную защиту в отношении лиц, контролирующих должника, при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, в условиях, когда суд применяет презумпции, предусмотренные Законом о банкротстве, а у лица, привлекаемого к ответственности, объективно не имелось или не имеется возможности доказательного опровержения этих презумпций в ходе разбирательства;

б) автором обоснован вывод о том, что в силу признака множественности обязательств при банкротстве юридических лиц, развитие имущественной ответственности бенефициаров и менеджеров по обязательствам несостоятельного должника должно идти по пути материальной консолидации имущества и имущественных прав лиц, связанных с несостоятельным должником;

7) на основании анализа судебной практики, автором произведена систематизация конструктивных возражений против привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что ее результаты позволяют обогатить теоретические положения науки предпринимательского права, в том числе в отношении субсидиарной ответственности лиц, контролирующих несостоятельного должника.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы в нормотворческой деятельности и правоприменительной деятельности субъектов предпринимательства,

выступающих кредиторами юридического лица, в отношении которого применяются процедуры банкротства, при защите их имущественных интересов от недобросовестной деятельности лиц, контролирурующих несостоятельного должника–юридическое лицо, либо выступающих в качестве должника или контролирующих должника лиц, при защите их имущественных интересов от необоснованного возложения на них субсидиарной ответственности, предусмотренной законодательством о несостоятельности (банкротстве).

В период выполнения выпускной квалификационной работы автором опубликованы 3 статьи:

1. Амелин, С.В. Становление и развитие института субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц / С.В. Амелин // Материалы XVI Международной научно-практической конференции молодых исследователей, 24–25 апреля 2020 г. Ч. II. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 11–13.

2. Амелин, С.В. Наследники как сторона субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц / С.В. Амелин // Инновации. Наука. Образование. Тольятти: 2020. № 22. С. 915–922.

3. Амелин, С.В. Значение правовых презумпций в процессах банкротства / С.В. Амелин // Современные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов магистрантов и аспирантов. Вып. 4. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 6–8.

Структура и объем исследования. Работа состоит из 2-х глав, включающих 8 параграфов, заключения и библиографического списка. Выпускная квалификационная работа изложена на 108 странице машинописного текста, библиография включает 57 наименований.

1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

1.1. Понятие субсидиарной ответственности и ее правовая природа при банкротстве юридических лиц

Субсидиарная ответственность является одним из видов гражданско-правовой ответственности в обязательствах с пассивной множественностью лиц. Следует, однако, отметить, что российское гражданское право не закрепляет ее твердого легального определения, ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – «ГК РФ») определяет лишь общие условия ее применения.

Субсидиарная ответственность означает предъявление требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, оно может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность. Субсидиарный должник не имеет своих обязательств перед кредитором, а лишь несет гражданско-правовую ответственность за неисполнение обязательств основным должником.

Для охранительного правоотношения в целом характерна некая производность его возникновения от регулятивной правовой связи. Однако, несмотря на то, что возникновение охранительного правоотношения ставится в зависимость от наличия регулятивного, дальнейшая его реализация не зависит от регулятивного правоотношения. Охранительная связь характеризуется, с одной стороны, производностью возникновения, а с

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. I) от 30 ноября 2002 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32 Ст. 3301.

другой – независимостью осуществления правоотношения и самостоятельностью¹.

Правоотношение, возникающее между субсидиарным должником и кредитором, также самостоятельно, однако с основным (регулятивным) правоотношением его связывает одно из его лиц (кредитор) и его содержание (долг). В этом отношении обязательство по субсидиарной ответственности – это особый вид законного обязательства, имеющего акцессорный характер по отношению к основному охранительному обязательству.

Если в основном охранительном обязательстве обязанной стороной является непосредственный причинитель вреда, который должен совершить определенные действия по восстановлению нарушенного права кредитора, то в охранительном правоотношении по субсидиарной ответственности лицом, совершающим активные действия для восстановления права потерпевшего, будет субсидиарный должник, не являющийся непосредственным причинителем вреда. Он, не являясь правонарушителем, совершает определенные действия по защите нарушенного права потерпевшего лица, чем удовлетворяет интерес последнего, заключающийся в восстановлении его нарушенного права.

Институт субсидиарной ответственности представляет собой исключительно любопытное явление, поскольку в качестве общих условий гражданско-правовой ответственности традиционно называются: противоправность нарушения субъективных гражданских прав; причинение вреда; причинная связь между нарушением субъективных гражданских прав и вредом; вина нарушителя², следовательно, привлечение к ответственности

¹ Кархалев Д.Н. Охранительные обязательства по защите гражданских прав // Юридический мир. 2013. № 2. С. 28

² Егошин А.И., Сидоркина Н.А. Генезис правовой природы некоторых условий гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств в СССР // История государства и права. 2010. № 7. С. 31.

иных помимо основного должника невиновных и не допускающих правонарушений лиц должно иметь веское основание¹.

Охранительное гражданско-правовое отношение по субсидиарной ответственности возникает на основе юридического равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности его участников.

Юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности и в этом качестве определяется как особый вид государственного принуждения, состоящий в претерпевании субъектом права отрицательных последствий, предусмотренных санкцией правовой нормы, и осуществляемый в форме охранительного правоотношения². Субсидиарная ответственность, будучи видом юридической гражданско-правовой ответственности, предполагает наличие гражданско-правовых оснований ответственности, состава гражданского правонарушения. В качестве общего основания гражданско-правовой ответственности можно признать нарушение субъективных гражданских прав, как имущественных, так и личных неимущественных, поскольку данная ответственность представляет собой ответственность одного участника имущественного оборота перед другим, а ее общей целью является восстановление нарушенного права на основе принципа соответствия размера ответственности размеру причиненного вреда или убытков³. Субсидиарная ответственность вне связи с правонарушением, а в силу правового статуса установлена ГК РФ лишь в строго определенных случаях.

Применительно к исполнению договорных обязательств субсидиарная ответственность наступает, по общему правилу, при отказе должника от удовлетворения предъявленных к нему требований, причем независимо от

¹ Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д. Обеспечение эффективности правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Перспективы развития законодательства о банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2012. № 5. С. 13.

² Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2005. С. 708

³ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1998. С. 438.

наличия или отсутствия у него имущества, достаточного для удовлетворения требований кредитора основного обязательства. Такова же в принципе ответственность участников корпоративных отношений, например участников полных товариществ, обществ с дополнительной ответственностью и членов производственных кооперативов (п. 1 ст. 75, п. 1 ст. 95, п. 2 ст. 107 ГК РФ), а также ответственность собственников-учредителей по долгам казенных предприятий (п. 5 ст. 115 ГК РФ). Причем указанная ответственность не требует наличия вины в действиях субсидиарно отвечающего лица.

Напротив, в отношении исполнения внедоговорных охранительных обязательств, в частности, возникающих из причинения вреда в связи с банкротством юридического лица, субсидиарная ответственность других лиц наступает лишь при недостатке у должника основного обязательства необходимых средств для удовлетворения требований кредитора. При этом такая ответственность, как правило, возникает при наличии вины лица, на которое такая ответственность возлагается.

Общие условия применения субсидиарной ответственности в порядке как регулятивных, так и охранительных норм обязательственного права закреплены в ст. 399 ГК РФ. Согласно данной норме для реализации указанной ответственности необходимо наличие следующих условий. Во-первых, до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иным правовым актом или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником, кредитор должен предъявить требование к основному должнику. Во-вторых, если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование.

При этом полагается, что субсидиарный должник может нести дополнительную с основным должником ответственность в силу закона или иного нормативного правового акта.

Для понимания места и роли применения субсидиарной ответственности в случаях банкротства юридических лиц, по нашему мнению, весьма важным является то, какой характер носит реализация ответственности субсидиарных должников по обязательствам банкрота: такая ответственность не является договорной или безусловной, а для признания ее деликтной требуется соблюдение ряда требований, и, в первую очередь, установление факта причинения вреда ограниченному кругу лиц.

По долгам несостоятельного должника по общему правилу отвечает он сам. Как следует из п. 1 ст. 2 ГК РФ, гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, из чего следует, что каждое лицо – субъект гражданских правоотношений – имеет имущественную обособленность.

Это обстоятельство следует признать основной и существенной предпосылкой конкурсного характера удовлетворения требований кредиторов несостоятельного должника, так как в силу имущественной обособленности участников гражданского оборота кредиторы должника могут претендовать на удовлетворение своих требований только за счет того имущества, которое принадлежит такому должнику. В случае, если должник становится неплатежеспособным, принадлежащее ему имущество и имущественные права в ходе признания его банкротом войдут в его индивидуальную конкурсную массу, за счет которой кредиторы, конкурируя друг с другом, могут получить удовлетворение своих требований к должнику хотя бы частично. Для понимания риска кредитора в отношениях с должником, можно провести аналогию: Как собственнику принадлежит риск гибели его вещи, так и кредитору принадлежит риск несостоятельности должника¹.

¹ Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. М.: Статут. 2020. С. 10

Банкротство (несостоятельность должника) как раз и является формально-юридическим выражением этой случайности, вероятность которой в отношении любого хозяйствующего субъекта является неотъемлемой частью любой экономико-правовой и политической системы, основанной на множественности форм собственности и рыночной конкуренции.

Определенное исключение из, казалось бы, всеобъемлющего принципа имущественной обособленности и самостоятельности субъектов гражданско-правовых отношений российский законодатель допускает в целях установления границ имущественной ответственности хозяйствующих субъектов при банкротстве:

Во-первых, некоторые субъекты гражданского права не могут быть признаны несостоятельными и не могут рассматриваться как должник с точки зрения банкротства, так как всегда имеют некоего субсидиарного должника: согласно ч.1 ст. 65 ГК РФ, не могут быть признаны банкротом казенное предприятие, учреждение, политическая партия, религиозная организация; Государственная корпорация или государственная компания может быть признана несостоятельной (банкротом), если это допускается федеральным законом, предусматривающим ее создание; Фонд не может быть признан несостоятельным (банкротом), если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда. Публично-правовая компания не может быть признана несостоятельной (банкротом).

Во-вторых, в ряде случаев, предусмотренных действующим Законом о банкротстве, кредиторы могут получить право претендовать на прибавление конкурсной массы должника за счет имущества, принадлежащего другому лицу, и именно эти случаи объединены институтом субсидиарной ответственности при банкротстве.

Как указывалось ранее, субсидиарная ответственность при банкротстве является исключительным инструментом защиты имущественных интересов кредиторов несостоятельного должника. Это следует понимать так, что она

является и исключением из самостоятельной ответственности юридического лица, и предполагает возможность удовлетворения требования за счет субъекта права, отличного от самого должника – лица, признаваемого контролирующим должника, по предусмотренным законом признакам. Таким образом, субсидиарная ответственность по обязательствам должника – исключение из общего правила об ограниченной ответственности (самостоятельной ответственности отдельных субъектов).

Современным российским законодательством о банкротстве вопросы привлечения к субсидиарной ответственности урегулированы в главе III.2 Закона о банкротстве. Толкование положений Закона в целях правоприменения приведено Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21 декабря 2017 года № 53¹ (далее – «Постановление № 53»), что будет предметом изучения ниже.

Закон о банкротстве предусматривает возможность привлечения контролирующих должника лиц (далее – «КДЛ») к субсидиарной ответственности всего по двум основаниям, предусмотренным ст. 61.11 (за доведение должника до банкротства, то есть невозможность полного удовлетворения требований кредиторов) и ст. 61.12 (за неисполнение информационной обязанности перед кредиторами – несвоевременную подачу заявления должника о собственном банкротстве). Сразу оговоримся, что правовая природа этих оснований различна, и это имеет значение для последующего исследования.

Так является ли субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц, предусмотренная Главой III.2 Закона о банкротстве, деликтной?

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21 декабря 2017 г. №53 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3.

В соответствии с п.1 Постановления № 53, применяя субсидиарную ответственность, как исключительный механизм восстановления нарушенных прав кредиторов, судам необходимо учитывать, с одной стороны, имущественную обособленность юридического лица (имущественная обособленность является неотъемлемой правовой сущностью юридического лица, п. 1 ст. 48 ГК РФ) и фактическое наличие у участников, учредителей, руководителей юридических лиц широкой свободы усмотрения при принятии и согласовании деловых решений, а с другой стороны – запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ).

Следуя логике приведенного толкования, именно злоупотребление конструкцией юридического лица, видимо, должно служить правовой предпосылкой для привлечения к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства. По общему правилу, в защите права, которым злоупотребляют, должен следовать отказ. В применении к злоупотреблению институтом юридического лица этот отказ должен выражаться в отказе от ограничения ответственности только его имуществом и имущественными правами. То есть, фактическое или даже хотя бы номинальное лицо, злоупотребившее моделью имущественно-правовой самостоятельности юридического лица, за которым оно стоит, должно восприниматься как реальный субъект обязательства, возникшего и/или неисполненного в период или вследствие того, когда такое реальное лицо злоупотребляло правом. Данное представление является более узким, нежели термин «бенефициар», но для анализа соотношения субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц с другими видами гражданско-правовой ответственности имеет значение именно конструкция, предполагающая вину контролирующего лица.

Пунктом 2 Постановления № 53 прямо предусмотрено, что в случае привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности в части, не

противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда. Таким образом, ВС РФ прямо указывает на деликтную природу субсидиарной ответственности при банкротстве.

Примечательно, что пункт 6 Постановления № 53 указывает на необходимость учета судом при рассмотрении вопроса об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь, как это предусмотрено п. 1 ст. 164 ГК РФ. В случае уменьшения размера субсидиарной ответственности указанного лица фактический руководитель несет субсидиарную ответственность в полном объеме. В той же части, в которой ответственность номинального руководителя не была уменьшена, он отвечает с фактическим руководителем в полном объеме.

По нашему мнению, принимая во внимание перечисленные положения, по существу субсидиарную ответственность контролирующих лиц при банкротстве судам следует рассматривать как частный случай ответственности за гражданский деликт. Учитывая конечную деликтную природу субсидиарной ответственности при банкротстве, можно также прийти к интересному и важному выводу: обязательство КДЛ, возникшее из субсидиарной ответственности при банкротстве, являясь деликтным, не может быть признано неразрывно связанным с личностью субсидиарного должника, следовательно не прекратится с его смертью и подлежит передаче по наследству в порядке общего правопреемства.

Тем не менее, рассуждая о правовой природе субсидиарной ответственности лиц, контролирующих несостоятельного должника, за доведение последнего до банкротства возникают обоснованные сомнения в логической состоятельности деликтной концепции такой ответственности:

а) В соответствии с общими положениями ст. 1064 ГК РФ, для признания обязательства деликтным, необходимо причинение имущественного вреда. Момент его причинения является моментом возникновения деликтной обязанности; б) Вред должен быть причинен лицу или лицам, его размер должен быть объективно установлен, при этом, по общему правилу, вред должен быть причинен противоправным поведением виновного лица; в) Между противоправным поведением виновного лица и вменяемым ему причинением вреда должна существовать причинно-следственная связь, в отсутствие которой деликтная ответственность невозможна.

Такова сложившаяся в юридической науке устойчивая, в широком смысле, логика деликтного обязательства и оснований наступления деликтной ответственности.

По мнению некоторых авторов, правовая природа субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц настолько иная, что не может быть отнесена ни к деликтной, ни к какой бы то ни было иной альтернативной ответственности, известной российскому правопорядку, и может расцениваться как неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративной вуали¹.

В отношении субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц здесь представляется ряд противоречий:

Во-первых, законодатель полагает, что вред контролирующими должника лицами причиняется кредиторам несостоятельного должника, и этот вред выражен собственно в уменьшении имущества или его стоимости в связи с невозможностью полного удовлетворения требований должником, так как имущества недостаточно, а размер неудовлетворенных требований как бы подтверждает его размер и факт причинения.

Но не ясно, какой из моментов является моментом фиксации деликта: когда совершены действия по умалению имущественной сферы должника;

¹ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 34

когда появилось требование соответствующего кредитора; когда завершился расчет с кредитором из имущества должника. Так когда же? Правоприменительная практика пока не дает на этот вопрос уверенного ответа.

Весьма важным при исследовании причинно-следственной связи в связи с причинением вреда является и то, был ли вред в период деликтного действия вполне предвидимым¹. Это вряд ли возможно установить, так как до перехода юридического лица к банкротству точно не известно, сколько будет кредиторов, и каков будет объем их требований к должнику.

Само предположение о причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и банкротством должника вызывает трудности в доказательстве: Как правило, недостаточность имущества должника для удовлетворения требований его конкурсных кредиторов является следствием множества факторов, среди которых деятельность контролирующего лица может быть далеко не главной, определяющей неплатежеспособность.

Важнейшим элементом этой конструкции является противоправность поведения контролирующего лица, тесно связанная с причинно-следственной связью. Что именно вменяется такому лицу для объявления его деликвентом? Формально – это действия, приведшие к недостаточности имущества и невозможности исполнения должником обязанностей перед кредиторами. Но фактически в большинстве случаев к уменьшению имущества приводит непредсказуемый набор случайных факторов, и действия контролирующих лиц в этом списке присутствуют всегда, но установить их роль, как правило, весьма затруднительно. При сомнениях в противоправности принято принимать отсутствие вины. Таким образом, либо в действиях контролирующего лица нет противоправности, либо в обязательстве нет деликтности.

¹ Короткова В.А. Предвидимость договорных убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 1. С. 97.

Важнейшим моментом деликтности является фигура потерпевшего. При рассмотрении вопроса о субсидиарной ответственности в случае несостоятельности потерпевшим может быть признан или сам должник, или кредитор (кредиторы).

Так как в статье 61.11 Закона о банкротстве речь идет о невозможности полного погашения требований кредиторов, должник не является потерпевшим, и используется только как источник расчетов за счет конкурсной массы. Субсидиарные должники при этом, в соответствии с действующим законодательством, за счет своего имущества пополняют конкурсную массу должника, а не производят расчеты непосредственно с кредиторами, таким образом, по нашему мнению, кредитор как бы тоже «выпадает» из числа непосредственных выгодоприобретателей от исполнения обязанности субсидиарным должником, а надлежащим выгодоприобретателем становится «конкурсная масса должника», которая является юридической фикцией и не порождает прав и обязательств...

Таким образом, ответственность виновного контролирующего лица по обязательствам несостоятельного должника теперь оценивается не перед кредитором, а перед должником, конкурсной массе которого (а опосредованно – всем его кредиторам) виновное лицо причинило ущерб¹.

По нашему мнению, презумптивная техника, примененная законодателем, чтобы «обойти» эти противоречия и облегчить привлечение КДЛ к имущественной ответственности (хотя бы и под видом субсидиарной) с развитием правоприменения потребует замещения на более логичный правовой инструмент, так как актуальность развития концепции «снятия корпоративного покрова» в теории общепризнана, и считается желательной для практического применения. Мы вернемся к этой теме во 2-й главе настоящей выпускной квалификационной работы, рассматривая вопросы

¹ Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. С. 39.

защиты интересов лиц, привлекаемых к ответственности в качестве субсидиарного должника в результате банкротства юридических лиц.

1.2. Историко-правовые аспекты развития субсидиарной ответственности в законодательстве о несостоятельности

В новейшей истории российского права субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц появилась в 1994 году. Абз.2 п.3 ст.56 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливал возможность возложения субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, в случае недостаточности его имущества, на участников (учредителей) или на других лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица, если его несостоятельность (банкротство) вызвана его участниками (учредителями) или другими лицами, контролирующими должника.

Таким образом, ГК РФ уже предусматривал широкий субъектный состав контролирующих лиц, и содержал указание на причинно-следственную связь действий/ бездействия таких лиц с банкротством, как условие их привлечения к субсидиарной ответственности (условие гражданского деликта). Но это следовало рассматривать в контексте всей нормы п. 3 ст. 56 ГК РФ, абз. 1 которой устанавливал ограниченную ответственность участников (учредителей) юридического лица по долгам последнего. Узостью определения и указанным внутренним противоречием обуславливалось ограниченное и неоднозначное правоприменение¹, что и привело законодателя к необходимости «усиления» законоположений ГК РФ о субсидиарной ответственности КДЛ дублирующей нормой в специальном законе.

¹ См., например, Постановление Президиума ВАС РФ от 12 марта 2013 г. № 8711/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. №6-ФЗ¹ была введена субсидиарная ответственность КДЛ (для руководителя должника, членов ликвидационной комиссии, учредителей (участников) юридического лица) – за непредъявление в арбитражный суд заявления должника в установленный законом срок, а также за доведение до банкротства и недостаточность имущества самого должника-юридического лица. Однако отсутствие регламентации по-прежнему влекло за собой невозможность применения данных норм.

В первоначальную редакцию действующего Закона о банкротстве данные нормы были перенесены в полном объеме, поэтому этот пробел существовал в ранних редакциях действующего Закона о банкротстве, а нормы о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности оставались «спящими».

Экономический кризис 2008 года вызвал волну банкротств юридических лиц. По мнению Д.В. Добрачева, острая необходимость защиты кредиторов от противоправного поведения КДЛ явилась основной причиной реформы норм о субсидиарной ответственности².

Фактически до 2009 года к субсидиарной ответственности могло быть привлечено только то лицо, действия которого прямо привели к банкротству. Данную позицию поддерживали высшие суды (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³). При этом обязанность

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 2222.

² Добрачев Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства. М.: Инфотропик Медиа, 2019. С. 67.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 1996. № 5, 1997.

доказать причинно-следственную связь возлагалась на арбитражного управляющего.

Так, А.Р. Николаев отмечает, что процент удовлетворенных исков был чрезвычайно мал, так как привести доказательства, подтверждающие, что конкретными действиями вызвана несостоятельность должника достаточно проблематично, особенно в случае отсутствия бухгалтерской документации должника у арбитражного управляющего¹.

Впервые детальное регулирование института субсидиарной ответственности появилось в 2009 году, когда Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 апреля 2009 г. №73-ФЗ² (далее – «Закон № 73-ФЗ»).

Предпосылкой для данных изменений стало возросшее количество исков о взыскании убытков, предъявляемых к бывшим руководителям должника. Тем не менее, процесс доказывания вины контролирующего лица в причинении убытков оставался сложным, так как материальный и процессуальный подходы к доказыванию убытков в этом случае (стандарты доказывания) применялись традиционно высокие, поэтому большинство споров заканчивалось отказом в удовлетворении требований.

Озабоченность законодателя отсутствием результатов реформируемого института субсидиарной ответственности при банкротстве вылилось во внесение изменений в Закон № 127-ФЗ, что должно было «повысить эффективность мер принуждения к исполнению обязательств перед кредиторами путем увеличения конкурсной массы должника за счет включения в конкурсную массу имущества лиц, несущих субсидиарную имущественную ответственность».

Статьи 9, 10 Закона о банкротстве были существенно переработаны и дополнены порядком привлечения КДЛ к солидарной ответственности.

¹ Николаев А.Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С.21.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). Ст. 2153.

Весьма важным нововведением того времени следует считать то обстоятельство, что Законом № 73-ФЗ был расширен круг лиц, которые могли быть привлечены к субсидиарной ответственности, в части установления материальной ответственности членов ликвидационной комиссии, действия которых повлекли банкротство.

Во-вторых, в законе были закреплены три основания для привлечения к ответственности – необращение с заявлением о банкротстве, доведение до банкротства и нарушение правил по оформлению и хранению бухгалтерской документации.

В-третьих, была установлена презумпция вины контролирующих лиц, в случае если вред, причиненный имущественным правам кредиторов, возник в результате исполнения указаний КДЛ, или исполнения текущих обязательств при недостаточности его имущества, составляющего конкурсную массу. Это означало, что арбитражному управляющему было достаточно доказать наличие вреда, причиненного имущественным правам кредиторов действиями КДЛ. При этом не требовалось установления факта несостоятельности должника по вине КДЛ, как это было ранее. Такое перераспределение бремени доказывания умысла было призвано защитить менее подготовленную сторону в деле о банкротстве – кредиторов¹.

Однако стоит отметить, что это не улучшило ситуацию существенно в судебной практике: Арбитражные суды по-прежнему продолжали настаивать на необходимости доказывания наличия самого состава правонарушения, являющегося причиной причинения вреда, противоправность поведения деликвента и причинно-следственную связь между поведением причинителя вреда и наступившим вредом при условии, что вина причинителя доказана, и, таким образом, в подавляющем большинстве случаев отказывали заявителям в привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника

¹ Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187.

контролирующих его лиц¹. Также определенную сложность представлял процесс доказывания наличия обязательных для исполнения указаний.

В-четвертых, Законом № 127-ФЗ были впервые установлены процессуальные нормы, регулирующие рассмотрение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности. Важнейшим нововведением стало закрепление рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, несмотря на наличие у ряда ученых опасений, что дальнейшее развитие института субсидиарной ответственности приведет к «гибели юридического лица» как самостоятельного участника правоотношений, не зависящего от личностей участников и акционеров, ввиду процессуально-правового разрушения конструкции ограниченной ответственности.

Третьим этапом совершенствования института субсидиарной ответственности стал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ², которым была введена в действие новая редакция статьи 10 с дополнительными презумпциями вины контролирующих лиц, а именно передачей документации арбитражному управляющему, совершение сделок, причинивших вред кредиторам. Кроме того, был уточнен порядок исчисления размера субсидиарной ответственности, в зависимости от основания, по которому контролирующее лицо привлекают к ответственности. Так же был увеличен размер ответственности: кроме «реестровых» требований в него были включены текущие требования и требования, заявленные после закрытия реестра.

На текущий момент «финальный аккорд» в реформирование института субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц прозвучал

¹ Николаев А.Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С.23.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3206.

в Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ¹ (далее – «Закон № 266-ФЗ»). Благодаря ему, Закон о банкротстве дополнен главой III.2, а ст.ст. 9, 10 признаны утратившими силу.

В новой главе III.2 Закона о банкротстве раскрывается понятие «контролирующее должника лицо», устанавливаются критерии, позволяющие отнести лицо к числу КДЛ, уточняются положения, предусматривающие субсидиарную ответственность КДЛ за невозможность полного погашения требований кредиторов, вводятся положения о субсидиарной ответственности обязанных в соответствии с законодательством о банкротстве лиц за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника в арбитражный суд. Так же регламентируется судебная процедура рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности как в рамках дела о банкротстве, так и вне рамок дела о банкротстве, и исполнение судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности, предусматриваются возможность и особенности заключения и утверждения мирового соглашения между кредиторами и контролирующим лицом².

По мнению Р.Т. Мифтахутдинова, нормы новой главы направлены в первую очередь на решение следующих задач –

А) Не допустить вывод активов у причинителей вреда – контролирующих должника лиц, действительных бенефициаров должника, посредством более ранней подачи иска о привлечении их к субсидиарной ответственности, а также путем реализации возможности раннего рассмотрения судом обеспечительных мер (п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве).

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4815.

² Аракелов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития. С. 146.

Б) Своевременно установить конечных бенефициаров и «обособить» так называемых номинальных руководителей и учредителей путем освобождения их от ответственности в случае помощи в раскрытии истинных выгодоприобретателей, включая помощь в возврате активов (п.9 ст.61.11, п.4 ст.61.10 Закона о банкротстве)¹.

Существенной новацией следует признать дальнейшее развитие презумптивной техники с целью облегчения бремени доказывания в пользу заявителей о привлечении бенефициаров к субсидиарной ответственности, путем включения в их список 5-и опровержимых презумпций вины лиц, контролирующих должника (п.61.11 Закона о банкротстве).

Забегая вперед, отметим, что актуальная редакция Закона о банкротстве в главах III.1 и III.2 впервые устанавливает целую систему презумпций, опровергать которые предлагается лицам, привлекаемым к субсидиарной ответственности в качестве контролирующих несостоятельного должника.

Во-первых, при оспаривании подозрительных сделок должника Закон о банкротстве устанавливает презумпцию знания заинтересованным лицом о причинении вреда имущественным интересам кредиторов, ущемлении их интересов, либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника при совершении им подозрительных сделок. (ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Во-вторых, это опровержимые презумпции об ответственности КДЛ, предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве, которые условно разделяются на две группы: три презумпции контроля (ст. 61.10 Закона о банкротстве) и пять презумпций ответственности КДЛ.

Роль специальных презумпций в доказывании вины КДЛ мы исследуем в главе 2 настоящей выпускной квалификационной работы.

¹Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы. С.189.

Постановление № 53 и Письмо ФНС России «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@¹ образовали своевременную технико-юридическую поддержку в применении данных новаций.

Следует отметить, что применение конструкции субсидиарной ответственности как формы имущественной ответственности недобросовестных бенефициаров несостоятельного должника вызывают вопросы в среде профессиональных юристов, ученых и практиков.

В силу ст. 48 ГК РФ юридическое лицо наделено хозяйственной самостоятельностью в гражданских правоотношениях, имеет имущественную обособленность, действует самостоятельно и в своих интересах. Для отграничения от личностей участников и учредителей, не вовлеченных в процесс хозяйственного управления юридическим лицом, в российском праве закреплен принцип ограниченной ответственности участников по обязательствам юридического лица. Справедливости ради следует все же признать, что юридическое лицо утрачивает самостоятельную волю и становится всего лишь инструментом для достижения целей третьих лиц тогда, и только тогда, когда действия, исполняемые таким юридическим лицом, осуществляются в пользу и в интересах этих третьих лиц, и противоречат целям самого юридического лица. Это должно являться основной предпосылкой для появления у кредиторов оснований и права обращать взыскание и требовать не только с должника – юридического лица, но и тому лицу, волей которого оказывалось давление на действие должника-банкрота.

¹ Письмо ФНС России «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ» от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@. Текст письма опубликован не был [электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/71756140> (дата обращения: 23.04.2020).

По мнению многих известных современных исследователей, таких, как А.В. Егоров¹, и А.К. Мороз², субсидиарная ответственность, в той мере, в какой она установлена Законом о банкротстве, не соответствует по своей правовой природе понятию субсидиарной ответственности, предусмотренной ГК РФ. Обязательства, порождаемые ею в рамках процедуры банкротства, не являются чисто акцессорными. Свою позицию ученые поддерживают следующим логичным и обоснованным рассуждением – являясь дополнительными должниками, своим имуществом и денежными средствами, взысканными с них, субсидиарные должники пополняют конкурсную массу основного должника, являющегося банкротом, при этом взысканные средства расходуются не только на выплаты конкурсным кредиторам, но и на собственные нужды несостоятельного должника.

В то время, как в существующей гражданско-правовой доктрине субсидиарный должник всегда несет ответственность, дополнительную к ответственности основного должника, субсидиарный должник при банкротстве – это лицо, ответственное за убытки или доведение до банкротства. Таким образом, по мнению сторонников вышеуказанной теории, субсидиарная ответственность при банкротстве – это, скорее, институт упрощенного взыскания убытков с лиц, контролирующих должника, с особыми (презюптивными) правилами распределения бремени доказывания³. Адепты этого подхода считают целесообразным применение деликтной ответственности, как более разработанной, при этом ее объем не ограничен реестром требований кредиторов, что формально важно с юридической точки зрения.

¹ Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6.

² Мороз А.К. Круг субъектов расширился. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц неотвратима // ЭЖ-Юрист. 2017. № 34. С.23.

³ Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения // Закон. 2013. № 12. С. 148.

Следует отметить, что несмотря на весьма существенные сдвиги, произведенные законодателем и правоприменителем в исследуемом вопросе, в настоящее время среди ученых-цивилистов нет единого мнения, имеются и иные точки зрения на характер и природу субсидиарной ответственности при банкротстве.

Например, О.В. Гутников исходит из того, что неправомерным поведением контролирующих лиц, приведшим к несостоятельности основного должника, вред может быть причинен имущественным интересам как кредиторов, так и самого должника. Поэтому полагается необходимым применить особые, отличные от традиционной конструкции субсидиарной ответственности, правила о возмещении вреда имущественным правам кредиторов за счет лиц, неправомерные действия которых привели к ущемлению этих прав¹. Такая концепция предполагает установление двух специальных видов ответственности в отношении контролирующих лиц – за причинение убытков должнику (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 61.13, 61.20 Закона о банкротстве) и за причинение вреда имущественным правам кредиторов (ст. 1064 ГК, ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве).

Идее, высказываемой О.В. Гутниковым, противостоят не менее уважаемые оппоненты, такие как Д.В. Ломакин, О.И. Гентовт, которые считают, что правовая природа субсидиарной ответственности по смыслу Закона о банкротстве совершенно идентична субсидиарной ответственности в трактовке ст. 399 ГК РФ. По мнению указанных авторов, за счет имущества контролирующих лиц лишь пополняется конкурсная масса несостоятельного должника, в ней обезличивается и впоследствии распределяется в установленном законом (конкурсном) порядке между кредиторами пропорционально. При этом сами КДЛ перед основным должником не отвечают². По их мнению, такая ответственность не является деликтной.

¹ Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48.

² Ломакин Д.А., Гентовт О.Б. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1. С.123.

С ними солидарен и Г.В. Цепов, считающий, что «поскольку договор заключается между кредитором и юридическим лицом, то контролирующее лицо не может иметь личных договорных обязательств перед кредитором, однако должно отвечать перед кредиторами должника за злоупотребление правом»¹.

Некоторые современные исследователи, такие как К.И. Евтеев, приходят к выводу об уникальном характере ответственности КДЛ при банкротстве, и считают, что в разрезе законодательства о банкротстве субсидиарная ответственность явно обладает отличительными свойствами и характеристиками, и должна трактоваться, как самостоятельный вид ответственности, гораздо более широко, чем общепризнанная субсидиарная ответственность в терминологии ГК РФ².

К сходным выводам приходит и Е.Д. Суворов, формулируя признаки правовой природы субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника, но считает, что ответственность недобросовестных контролирующих лиц по обязательствам должника-банкрота должна эффективно применяться, для чего законодателю следует последовательно изменить взгляд на правовую природу этой ответственности, признав, что она имеет имущественный, самостоятельный, альтернативный субсидиарной ответственности характер, хотя внешне сходна с ней³.

Выше представлен анализ развития правового института субсидиарной ответственности лиц, которые в соответствии с действующим законодательством могут быть признаны судом в качестве контролирующих по отношению к должнику – несостоятельному юридическому лицу, из

¹ Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. № 8. С. 98.

² Евтеев К.И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С.50.

³ Суворов, Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника. С 29.

которого нам представляется верным следующий логический вывод – по смыслу Закона о банкротстве, ответственность КДЛ перед кредиторами несостоятельного должника является самостоятельным видом ответственности, обладающей рядом особенностей, специфицированных и обусловленных самой процедурой банкротства, а именно¹:

- 1) расширенный субъектный состав;
- 2) привлечение лиц по особым, специально предусмотренным, основаниям;
- 3) непрямая процедура удовлетворения требований, в соответствии с которой взыскание от дополнительных должников производится в конкурсную массу основного должника, с последующим распределением между кредиторами.

Эволюция правового института субсидиарной ответственности при банкротстве оправдана требованиями оборота, и основана на опыте других правопорядков с рыночной экономикой. До последнего времени было весьма затруднительно анализировать деятельность должника в комплексе отношений, и выявлять конечных выгодоприобретателей от результатов противоправного поведения лиц, осуществляющих хозяйственный и иной контроль над должником. Для того, чтобы такие лица могли быть привлечены к имущественной ответственности, законодателю понадобилось расширить основания для их привлечения. В результате это привело к тому, что субсидиарная ответственность в рамках процедур банкротства обрела собственные особые черты и основания, и появилась вновь, но в роли, ранее ей не свойственной, как самостоятельная ответственность отдельных лиц, обязанных вместе с основным должником в исключительном порядке, в целях защиты имущественных интересов кредиторов должника-банкрота.

¹ Аракелов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития. С. 156.

1.3. Субъекты и основания для привлечения к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства

Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника может быть возложена на КДЛ. В силу ч. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве в качестве КДЛ может быть признано как физическое, так и юридическое лицо, которое имеет или имело не больше чем за три предыдущих до возникновения признаков банкротства года, а также после их возникновения до момента принятия заявления арбитражным судом о признании должника банкротом право давать необходимые для осуществления со стороны должника указания либо возможность другим образом определять действия должника, включая действия по сделкам и определению их условий.

Перечень признаков, по которым суды имеют возможность определить у лица статуса контролирующего, предусматривается в ч. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве –

1) нахождение с должником (руководителем либо членами, входящими в состав органов управления должника) в родственных отношениях либо свойстве, должностного положения;

2) имеющиеся функциональные полномочия, вытекающие из доверенности, правовом акте или другом специальном полномочии совершать от имени должника сделки;

3) в силу должностного положения (замещения должности главбуха, финансовой директора должника или тех лиц, у которых имеется полномочия по самостоятельному распоряжению более, чем 50 процентов акций АО, или более, чем 50 процентов уставного капитала ООО и т.д.);

4) прочим образом, в том числе посредством принуждения руководителя либо лиц, входящих в состав органов управления должника или оказания определяющего воздействия на руководителя либо лиц, входящих в состав органов управления должника.

Следовательно, в качестве контролирующего может признаваться практически любое должностное лицо органа управления должника (бухгалтер, финансовый директор), или любое физическое лицо, уполномоченное на совершение сделок (например, в силу доверенности) от имени должника, либо, пускай и действующее без доверенности, но под одобрением руководителя, или вследствие нахождения с руководителем или лицами, входящих в состав органов управления должника в неформальных отношениях (к примеру, родства, свойства и т.д.). В качестве КДЛ может быть признано и юридическое лицо, например, управляющая компания, или хозяйственное общество, органы управления или работники, или участники которого вправе давать должнику обязательные для исполнения указания.

Пункт 7 Постановления № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» дополнительно разъясняет, что контролирующим может быть признано лицо, извлекшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности.

Предполагается, что КДЛ является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в том числе по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например, на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой «однодневкой» и т.п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции и т.д.)¹. При этом ВС РФ отмечает, что упомянутая выше презумпция может быть опровергнута, а привлекаемое к ответственности лицо вправе доказать свою

¹ Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы. С. 189.

добросовестность, подтвердив, в частности, возмездное приобретение актива должника на условиях, на которых в сравнимых обстоятельствах обычно совершаются аналогичные сделки.

Также предполагается, что любой выгодоприобретатель является КДЛ, если он извлек существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота) совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки. В этом случае для опровержения презумпции выгодоприобретатель должен доказать, что его операции, приносящие доход, отражены в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами.

Кроме того, контролирующими должника могут считаться лица¹:

1) находящиеся с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;

2) имеющие полномочия совершать сделки от имени должника, основанные на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;

3) в силу своего должностного положения (в частности, замещающие должности главного бухгалтера, финансового директора должника, а также иные должности, предоставляющие возможность определять действия должника).

Отметим, что формулировку «иные должности, предоставляющие возможность определять действия должника» нельзя назвать

¹ Поздеева Е.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Право 2019. № 12 (40) С. 404.

удовлетворительной. Особенно это заметно в контексте закона, который оперирует словосочетанием «действия должника» без упоминания о финансово-хозяйственной деятельности. Фактически это дает возможность причислить к КДЛ (а затем и привлечь к субсидиарной ответственности) любых топ-менеджеров банкрота¹. Ведь согласно подп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона о банкротстве КДЛ несет субсидиарную ответственность даже в случае, если должник стал отвечать признакам неплатежеспособности не вследствие действий и (или) бездействия КДЛ, однако после этого оно совершило действия и (или) бездействие, существенно ухудшившие финансовое положение должника.

Важно, что арбитражные суды вправе признавать в качестве КДЛ каких-либо лиц по иным основаниям. Например, Законом о банкротстве предусмотрено исключение – не могут быть отнесены к КДЛ лица, если такое отнесение связано исключительно с прямым владением менее чем 10% уставного капитала юридического лица. Но следует признать, что это определение имеет оценочный характер, и его применение, по сути, зависит от дискреции суда.

Дискреционные полномочия суда при определении относимости лица к КДЛ весьма обширны. Согласно п. 3 Постановления № 53 осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

¹ Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. С. 85.

Согласно п. 2.2 Письма ФНС России «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148¹ этими «иными основаниями» могут служить «любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-разыскными мероприятиями, например совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п.».

Вместе с тем судебная практика свидетельствует, что привлечь к субсидиарной ответственности возможно лиц, контролирующих только обанкротившегося должника, но не его (должника) предшественников². В частности, можно привести пример Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 декабря 2017 г. № 09АП-54144/2017 по делу № А40-102282/15 об отказе в удовлетворении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ³. В соответствующем судебном решении указывается, что контроль юридического лица, вошедшего в течение 3-х последних лет в состав должника-банкрота (путем присоединения), не означает контроля должника-банкрота (так как формально это различные юридические лица) и не ведет к субсидиарной ответственности.

Принято полагать, что субсидиарная ответственность по долгам должника банкрота для руководителей и владельцев может наступить за действия (бездействие), приведшие к банкротству должника. Но в силу

¹ Письмо Федеральной налоговой службы «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71656140/> (дата обращения 20.11.2020)

² Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы. 191.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06 декабря 2017 г. № 09АП-54144/2017 по делу № А40-102282/15 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/281fa018-e752-4329-bf3d-28454146ee4c/0c7bd2ad-5ebe-4f69-9d17-fb6e9fe4dba7/A40-102282-2015_20171206_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).

ст. 61.12 Закона о банкротстве субсидиарную ответственность для КДЛ влечет также и нарушение информационной обязанности – по подаче заявления о банкротстве должника в арбитражный суд (созыву заседания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принятию такого решения) в случаях и в срок, которые установлены законодательством. При этом, вероятно, поведение должника было добросовестным, и он всеми силами старался отсрочить наступление банкротства.

То есть, руководитель должника несет субсидиарную ответственность, в случае если при возникновении одного из перечисленных ниже условий в месячный срок не подал в арбитражный суд заявление о банкротстве своей фирмы:

1) удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения должником денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами;

2) органом должника, уполномоченным в соответствии с его учредительными документами на принятие решения о ликвидации должника, принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением должника;

3) органом, уполномоченным собственником имущества должника - унитарного предприятия, принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением должника;

4) обращение взыскания на имущество должника существенно осложнит или сделает невозможной хозяйственную деятельность должника;

5) должник отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества;

6) имеется не погашенная в течение более чем трех месяцев по причине недостаточности денежных средств задолженность по выплате выходных пособий, оплате труда и другим причитающимся работнику, бывшему работнику выплатам в размере и в порядке, которые устанавливаются в

соответствии с трудовым законодательством.

Пунктом 9 Постановления № 53 дополнительно разъяснено, что обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель, находящийся в сходных обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств. При этом не существенно, имел ли должник возможность за свой счет финансировать процедуры банкротства. Если учредительными документами должника предусмотрено, что полномочия его органа управления предоставлены нескольким лицам (директорам), действующим совместно или независимо друг от друга, то указанные лица, скорее всего, понесут субсидиарную ответственность солидарно¹.

Заслуживает внимания и то, что при ликвидации юридического лица с долгами ликвидатор и/или члены ликвидационной комиссии также могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если обязанность по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве не исполнена ими в десятидневный срок.

В случае привлечения к субсидиарной ответственности членов ликвидационной комиссии члены ликвидационной комиссии несут субсидиарную ответственность солидарно. В этом случае Постановление № 53 (п. 13) предусматривает привлечение «ликвидаторов» к субсидиарной ответственности при наличии совокупности следующих условий:

1) это лицо являлось КДЛ (в том числе исходя из не опровергнутых им презумпций о контроле мажоритарного участника корпорации, о контроле выгодоприобретателя по незаконной сделке и т.д.);

2) оно не могло не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии

¹ Коригова М. М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // МИР. 2018. Т. 9. № 3. С. 462.

возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о невыполнении ими данной обязанности;

3) данное лицо обладало полномочиями по созыву собрания коллегияльного органа должника, к компетенции которого отнесено принятие корпоративного решения о ликвидации, или обладало полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения;

4) оно не совершило надлежащим образом действия, направленные на созыв собрания коллегияльного органа управления для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве или на принятие такого решения.

Постановлением № 53 также определены основания для освобождения от субсидиарной ответственности за неисполнение обязанности по подаче заявления о банкротстве (п. 10).

Если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности не свидетельствовало об объективном банкротстве и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах. Также не несут ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве члены ликвидационной комиссии, которые действовали добросовестно, приняв все зависящие от них меры, необходимые для подачи комиссией заявления о банкротстве (в частности, требовали созыва собрания членов комиссии, голосовали за принятие соответствующего решения и т.д.), однако их позиция не была поддержана другими членами ликвидационной комиссии. Бремя доказывания указанных обстоятельств возлагается на привлекаемых к ответственности членов

ликвидационной комиссии.

Отмечается, что понятия «добросовестность», «разумность», «обычный руководитель, находящийся в сходных обстоятельствах» не имеют легальных определений, и установление этих обстоятельств целиком передано во власть дискреционных полномочий суда. Поэтому руководители и иные заинтересованные лица компаний должны внимательно отнестись к обязанности по подаче заявления о банкротстве, так как ее неисполнение чревато привлечением к субсидиарной ответственности¹.

Значимым представляется разъяснение п. 7 Постановления № 53 о том, что в качестве КДЛ быть признано лицо, получающее значительную выгоду в виде возрастания (сохранения) активов, если такая выгода не могла бы образоваться в обычных условиях хозяйствования, когда действия руководства должника были бы добросовестными и отвечали требованиям законодательства.

Таким образом, законодателем предусмотрена гибкая возможность установлении статуса КДЛ, что направлено именно на недопущение и предупреждение злоупотреблений со стороны конечных бенефициаров организации, скрывающих реальные властные полномочия. Крайне ценной для сохранения баланса интересов должника и кредиторов представляется недопустимость признания статуса КДЛ лишь на основании, что такое лицо обладало менее 10% капитала юридического лица (п. 6 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Привлечение к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его использовании надлежит учитывать концепцию ограниченной имущественной ответственности юридического лица, а также одновременную недопустимость злоупотреблений в сфере экономики и предпринимательства. Соответствующие разъяснения даны в п. 1 Постановления № 53. Таким образом, механизм привлечения к субсидиарной

¹ Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. С.102.

ответственности предназначен для добросовестных кредиторов должника, когда иные возможности защиты своих прав и законных интересов в деле о банкротстве исчерпаны.

Законодателем в Законе о банкротстве закреплены следующие основания для привлечения к субсидиарной ответственности –

1) невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11);

2) неподача (несвоевременное направление) заявления должника о своей несостоятельности (ст. 61.12).

Статья 61.11 Закона о банкротстве содержит ряд опровержимых презумпций, при наличии которых предполагается, что должник стал неплатежеспособным вследствие злоупотреблений со стороны КДЛ. Ключевые положения этих презумпций сводятся к двум видам злоупотреблений. Во-первых, это явные признаки причинения ущерба имущественным интересам кредиторов в результате совершения должником недобросовестных действий или заключения группы сделок, в том числе подозрительной сделки, сделки с заинтересованностью, сделок, направленных на уклонение от исполнения обязательств, и т.п. (подп. 1 и 3 п. 2 ст. 61.11). Во-вторых, это очевидные признаки действий по сокрытию обязательств либо введению в заблуждение относительно размера и существа таких обязательств, сокрытия наиболее существенных для контрагентов сведений о юридическом лице (подп. 2, 4 и 5 п. 2 ст. 61.11).

С одной стороны, наличие одной или нескольких из перечисленных презумпций возлагает на КДЛ бремя доказывания того, что они в соответствующих обстоятельствах сделали все возможное, чтобы хозяйствующий субъект исполнил свои обязательства. С другой стороны, они сводятся к двум базовым индикаторам недобросовестного поведения – введению в заблуждение и уклонению от обязательств, что однозначно оправдывает перенос на ответчика бремени доказывания того факта, что эти злоупотребления не повлекли невозможности удовлетворения требований

кредиторов.

Суть положений ст. 61.12 Закона о банкротстве сводится к тому, что обязательства, возникшие у должника после истечения срока на подачу в арбитражный суд заявления о своем банкротстве, возлагаются на тех лиц, которые должны были подать заявление о банкротстве компании. Эта норма стимулирует КДЛ в случае невозможности своевременного исполнения обязательств организации переходить в особый режим функционирования юридического лица, предусмотренный Законом о банкротстве. Такой режим обусловлен тем, что после подачи заявления должника предусматривается в том числе:

- 1) усиление контроля со стороны кредиторов и арбитражного суда за финансово-хозяйственной деятельностью должника;
- 2) разделение обязательств на требования, подлежащие включению в реестр требований кредиторов, и текущие платежи;
- 3) специальные условия оспаривания сделок в порядке главы III.1 Закона о банкротстве;
- 4) возможность взыскания убытков с лиц, объединенных с должником общими экономическими интересами, при ведении должником заведомо убыточной деятельности.

Таковы в целом нормы действующего Закона о банкротстве в отношении субъектов и оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, уточненные Законом № 266-ФЗ.

Изменения в Закон о банкротстве, внесенные Законом № 266-ФЗ, носят, в первую очередь, процедурный характер, и направлены на развитие средств реализации взыскания имущества. Основания для привлечения КДЛ к ответственности не отличаются в определении от прежней редакции (п. п. 2,03,04, ст. 10 Закона о банкротстве), остался прежним и субъектный состав привлекаемых к ответственности лиц (абз. 34 ст. 2 Закона о банкротстве).

Однако, стоит отметить, что заявление о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ может быть теперь подано в ходе любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве (п. п. 1, 2 ст. 61.14 Закона о банкротстве). Это позволяет кредитору зафиксировать требования к контролирующим должника лицам на ранней стадии рассмотрения дела, подает иным кредиторам сигнал о возможных злоупотреблениях со стороны должника и позволяет экономически защитить требования кредитора за счет оперативного принятия обеспечительных мер в отношении активов КДЛ, совершивших недобросовестные действия (бездействие) по уклонению от исполнения своих обязательств.

Эти правила направлены на снижение кредиторских рисков, связанных с выводом заинтересованными лицами активов должника до начала процедуры банкротства или на ее ранних стадиях, разрешая не дожидаться определенности в судьбе несостоятельного должника на завершающей стадии банкротства. Например, в случае вывода контролирующими лицами имущества должника в преддверии банкротства соответствующие сделки могут быть оспорены в силу положений главы III.1 Закона о банкротстве в процедуре внешнего управления или конкурсного производства. Однако иск в порядке субсидиарной ответственности к таким лицам наряду с заявлением о принятии обеспечительных мер в отношении их личных активов может быть предъявлен уже в процедуре наблюдения.

Закон о банкротстве и Постановление № 53 предусматривают возможность снижения или освобождения от ответственности номинальных руководителей должника при его деятельном участии в возвращении активов в конкурсную массу или в раскрытии фактических бенефициаров (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве, п. 6 Постановления № 53).

Закон о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ и Постановление № 53 понижают стандарт доказывания статуса КДЛ и наличия оснований для привлечения таких лиц к субсидиарной ответственности. В законодательстве о банкротстве установлено поражение в правах аффилированных

(заинтересованных) по отношению к должнику лиц. Их требования не подлежат включению в размер субсидиарной ответственности (п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Важно отметить, что положения Закона о банкротстве в редакции Закона № 266-ФЗ могут применяться к ранее введенным процедурам банкротства. С учетом того что в действительности изменены только процедурные нормы, без введения новых оснований или субъектов ответственности, данный шаг является оправданным и необходимым для защиты прав добросовестных лиц. Такой подход направлен, в том числе на улучшение делового климата в России путем предупреждения совершения злоупотреблений в сфере экономики и предоставления хозяйствующим субъектам гражданско-правового инструмента защиты своих интересов.

Улучшение качества исполнения обязательств, взаимосвязанное действие компенсаторной и превентивной функций субсидиарной ответственности, несомненно, будет являться привлекательным фактором для ведения бизнеса в РФ. Институт субсидиарной ответственности требует предельно качественного нормативно-правового регулирования и сбалансированной судебной практики его применения.

2. ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Участники обособленных споров о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц; границы субсидиарной ответственности

В понятие обособленного спора в делах о банкротстве не сформулировано. Впервые его понятие было дано в постановлении № 35 Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 «О некоторых процессуальных вопросах при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве)». В пункте 14 постановления Пленума были в самом общем виде сформулированы признаки обособленного спора: «Судам необходимо учитывать, что рассмотрение дела о банкротстве (в судах всех инстанций) включает, в том числе разрешение отдельных относительно обособленных споров (далее – «обособленный спор»), в каждом из которых непосредственно участвуют только отдельные участвующие в деле о банкротстве или в арбитражном процессе по делу о банкротстве лица (далее – непосредственные участники обособленного спора)».

В рамках производства по делам о несостоятельности имеется основное процессуальное правоотношение, имеющее предметом само дело о несостоятельности, и дополнительные (факультативные) процессуальные правоотношения (обособленные споры).

К основному правоотношению производства по делам о несостоятельности могут быть отнесены, во-первых, реабилитирующие и конкурсные процедуры (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), без которых невозможно достижение материально-правовой цели института несостоятельности – признание

должника банкротом, ограничение его участия в экономическом обороте, пропорциональное распределение активов между кредиторами с целью погашения их требований), а также судебные процессы по рассмотрению вопросов, неразрывно связанных с возникновением и движением дела о банкротстве в границах введения и действия материально-процессуальных процедур, в частности вопрос обоснованности заявления субъекта, уполномоченного на подачу заявления о признании должника банкротом, утверждение судом арбитражного управляющего и другие. Однако основной массив судебной деятельности по делу о банкротстве составляет разрешение и рассмотрение вопросов, не касающихся этого основного правоотношения. Судебная деятельность по таким вопросам подчиняется процессуальной форме и обладает всеми признаками правосудия в рамках искового производства.

Обособленные споры в рамках дела о несостоятельности имеют особенности, которые позволяют выделить их как отдельные от основного дела, т.е. от основного процессуального правоотношения.

Первый и основной признак обособленных споров – автономность от основного правоотношения, в рамках которого разрешается вопрос о банкротстве должника. Обособленные споры в определенной мере автономны от основного процессуального правоотношения в деле о банкротстве. Это означает наличие спора, нуждающегося в судебном разрешении, неразрывно связанного с делом о банкротстве, но необходимость разрешения, которого возникает факультативно, только в случае возникновения соответствующей инициативы от участников дела, основанной на нарушении прав и законных интересов субъектов производства по делу о банкротстве.

Само понятие «обособленный спор» указывает на его самостоятельность и факультативный характер от основного дела.

Второй признак, логически следующий из первого, обособленный спор возникает только в рамках дела о банкротстве. Без дела о банкротстве

(возбужденного или прекращенного) не может быть обособленного спора, поскольку для этого нет юридических фактов-условий, предусмотренных законом. Таким образом, наличие производства по делу о банкротстве (основное правоотношение) является необходимым условием для возникновения обособленных споров (дополнительные правоотношения). Из этого следует, что существование обособленных споров, даже если будет установлена возможность рассмотрения некоторых из них третейским судом, невозможно без судебного производства по делу о несостоятельности. Стоит отметить, что у стороны нет иного способа по защите нарушенного права, нежели инициирование обособленного спора. В силу специальной подведомственности и подсудности защита нарушенного права может быть реализована только в рамках дела о банкротстве.

Третий признак обособленного спора – это наличие отдельного спорного правоотношения, связанного с целями производства о несостоятельности. Спор предполагает наличие противоположных позиций участников дела о банкротстве, основанных на толковании фактов и доказательств, исходя из их материально-правовых интересов.

Четвертый признак – наличие специфического субъектного состава обособленного спора, не совпадающего полностью с участниками основного правоотношения дела о банкротстве. Хотя особенный субъектный состав сам по себе не может считаться самостоятельным основанием для специализации процессуальной формы, он имеет процессуальное значение, поскольку может привести к необходимости совершения дополнительных процессуальных действий, таких как извещение, о судебном процессе, установление актов активной и пассивной легитимации и т.д.

В обособленных спорах субъектный состав, как правило, шире, чем в основном правоотношении дела о банкротстве, что может выступать дополнительным признаком обособленных споров. Исходя из разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ, рассмотрение дела о банкротстве (в судах всех инстанций) включает, в том числе разрешение отдельных относительно

обособленных споров, в каждом из которых непосредственно участвуют только отдельные участвующие в деле о банкротстве или в арбитражном процессе по делу о банкротстве лица (далее - непосредственные участники обособленного спора), заинтересованные в разрешении данного конкретного спора в силу материально-правовой связи с ним. Применительно к действующему правовому регулированию в сфере правосубъектности в делах о несостоятельности круг таких лиц содержится в ст. 34, 35 Закона о банкротстве.

Пятый признак обособленного спора – наличие специальных процессуальных правил его рассмотрения судом, которые касаются особенностей извещения лиц, участвующих в обособленном споре, особенностей судебного разбирательства, стандартов и правил доказывания и распределения обязанностей по доказыванию, выносимых судебных актов, обжалования и т.д. Предмет доказывания в обособленном споре не совпадает с предметом доказывания по основному делу, в известной мере – это соотношение основного и локального предмета доказывания.

Таким образом, обособленный спор – это рассмотрение арбитражным судом в рамках производства по делу о банкротстве отдельного спора, разрешение которого связано с необходимостью установления локального предмета доказывания на основе особых процессуальных правил. Любой процесс по делу о несостоятельности (банкротстве) затрагивает интересы достаточно широкого круга лиц. Тем не менее, правом участвовать в таком процессе закон наделяет ограниченный круг субъектов.

Лица, участвующие в деле о банкротстве, и лица, участвующие в арбитражном процессе по делу о банкротстве, обладают присущими их процессуальному статусу правами и обязанностями, позволяющими реализовывать задачи, как в рамках всей процедуры банкротства, так и в рамках отдельных обособленных споров в деле о банкротстве.

К непосредственным участникам обособленного спора в деле о банкротстве помимо основных участников дела о банкротстве Пленум ВАС

(п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» от 22 июня 2012 г. № 35) относит:

1) при рассмотрении обоснованности заявления о признании должника банкротом - заявителя, а также все иные лица, чьи заявления о признании должника банкротом были приняты судом к рассмотрению;

2) при рассмотрении требования кредитора к должнику - этого кредитора, а также лиц, заявивших возражения против его требования;

3) при рассмотрении заявлений, ходатайств или жалоб - подавшее их лицо, а также лицо, права которого могут быть затронуты в результате их удовлетворения;

4) при рассмотрении заявления об оспаривании сделки - другую сторону сделки или иное лицо, в отношении которого совершена сделка (п. 4 ст. 61.8 Закона о банкротстве);

5) при рассмотрении заявления о привлечении КДЛ к ответственности – этих контролирующих лиц (п.7 ст.10 Закона о банкротстве);

б) при рассмотрении вопросов, связанных с утверждением, освобождением, отстранением арбитражных управляющих, а также жалоб на действия арбитражных управляющих – саморегулируемую организацию арбитражных управляющих, которая представляет кандидатуры арбитражных управляющих для утверждения их в деле о банкротстве или член которой утвержден арбитражным управляющим в деле о банкротстве (абз. 2 п. 2 ст. 35 Закона о банкротстве), а также орган по контролю (надзору) (абз. 3 п. 2 ст. 35 Закона о банкротстве);

7) при рассмотрении заявления о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов - оспаривающее его лицо;

8) при рассмотрении требований в отношении недвижимого имущества в деле о банкротстве застройщика - заявителя, а также лиц, к которым предъявляются требования (ст. 208.1 Закона о банкротстве);

9) при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб, заявлений о пересмотре судебных актов в порядке надзора, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам - лиц, обратившихся с жалобой или заявлением, а также лиц, в отношении которых вынесены эти судебные акты.

Как видно из изложенного, ни Закон о банкротстве, ни разъяснения ВАС РФ не относят ни к числу лиц, участвующих в деле о банкротстве, ни к числу лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, учредителей (участников) должника. Для представления своих законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, учредители (участники) должника вправе избрать представителя.

Все участник обособленного спора в деле о банкротстве наделен правами, установленными ст. 41 АПК РФ для лиц, участвующих в деле. Участники конкретного обособленного спора, не являющиеся участвующими в деле о банкротстве лицами, могут обжаловать судебные акты только в части конкретного обособленного спора (напр., п. 7 ст. 10, п. 4 ст. 61.8, п. 5 ст. 201.8 Закона о банкротстве).

Согласно, Постановлению Арбитражного суда Уральского округа от 05.03.2018 № Ф09-1451/17 по делу № А76-7846/2015, в случае если при оспаривании договора указано, что он является одним из цепочки взаимосвязанных сделок, суд должен рассмотреть ходатайство об уточнении заявленных требований, определить круг обстоятельств, подлежащих исследованию в рамках такого обособленного спора, и соответствующий состав лиц, участвующих в его рассмотрении. По результатам рассмотрения заявления конкурсного управляющего должника о признании недействительным договора займа, заключенного между должником и гражданином, и применении последствий его недействительности суд первой инстанции вынес определение об отказе в удовлетворении заявленных требований. Постановлением апелляционного суда определение отменено, договор займа признан недействительным, применены последствия его

недействительности в виде взыскания с гражданина в пользу должника денежных средств. Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и направил дело на рассмотрение в суд первой инстанции ввиду следующего.

В ходе рассмотрения обособленного спора в суде первой инстанции конкурсный управляющий должника в порядке ст. 49 АПК РФ заявил ходатайство об уточнении заявленных требований, в котором указывал, что договор займа представляет собой звено цепочки взаимосвязанных сделок, заключенных между аффилированными лицами при злоупотреблении правом с целью безвозмездного вывода активов должника, и просил признать указанные сделки недействительными. Названные доводы также были поддержаны конкурсным управляющим в апелляционной жалобе. Между тем суды в нарушение положений ст. 49, ч. 1 ст. 64, ч. 2 ст. 65, ст. 71, 168 АПК РФ и п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23 июня 2015 г. № 25 фактически указанное ходатайство конкурсного управляющего по существу не рассмотрели, в установленном порядке не уточнили у конкурсного управляющего, каким образом предполагается в данном случае восстановление нарушенных прав кредиторов должника с учетом доводов конкурсного управляющего о недействительности цепочки взаимосвязанных сделок, не вынесли на обсуждение лиц, участвующих в деле, вопрос о юридической квалификации спорных правоотношений с учетом уточнений заявленных требований и не определили, какие нормы права подлежат применению при разрешении данного обособленного спора, исходя из тех фактических обстоятельств, на которые конкурсный управляющий должника ссылался, в том числе в ходатайстве об уточнении заявленных требований.

Кроме того, в нарушение ст. 47 АПК РФ суды не определили состав сторон обособленного спора с учетом того, что конкурсный управляющий должника сослался на недействительность цепочки взаимосвязанных сделок, сторонами которых, помимо должника, являются иные лица. Таким образом,

выводы, содержащиеся в определении суда первой инстанции и постановлении суда апелляционной инстанции, сделаны судами преждевременно, без исследования и оценки всей совокупности необходимых обстоятельств.

Согласно Постановлению Арбитражного суда Уральского округа от 7 февраля 2018 г. № Ф09-11316/16 по делу № А60-57667/2015, в случае, когда в рамках одного дела о банкротстве имеется несколько обособленных споров о признании недействительными сделок по отчуждению имущества должника, к числу обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения отдельного обособленного спора, относится, в частности, установление того, не являются ли действия по заключению оспариваемого договора одним из элементов совокупности действий по отчуждению активов должника. Так, в рамках дела о банкротстве гражданина финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным договора дарения нежилых помещений, заключенного между должником и его родственником. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении требования отказано. Суд кассационной инстанции данные судебные акты отменил и направил обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

С учетом того, что должником при наличии неисполненных обязательств перед кредиторами в пользу заинтересованных лиц (родственников) совершен ряд сделок по отчуждению на безвозмездной основе ликвидного имущества, в том числе спорного объекта недвижимости, в рамках рассматриваемого обособленного спора судам надлежало установить (включить в предмет судебного исследования), не являются ли действия по заключению оспариваемого договора с родственником одним из элементов совокупности действий по отчуждению активов должника. При этом оспаривание каждого из указанных действий путем подачи самостоятельного заявления в рамках одного дела о банкротстве должника не

влечет за собой процессуальную невозможность исследования названных действий и не исключает необходимость оценки таких действий должника в их совокупности.

При установлении цели совершения сделки по безвозмездному отчуждению нежилых помещений при имеющейся финансовой ситуации судам необходимо было исследовать объем и состав оставшегося у должника после совершения указанной сделки имущества. С учетом того, что спорное имущество являлось предметом залога, судам надлежало также установить, могло ли отчуждение нежилых помещений фактически повлиять на возможность удовлетворения за счет данного имущества требований иных (не залоговых) кредиторов должника, повлекла ли сделка ухудшение их положения.

Соглашаясь с представленной точкой зрения, отмечу, что на сегодняшний день, судебная практика по рассмотрению подобных заявлений отсутствует. Связано это, на мой взгляд, не с отсутствием ситуаций, в которых обращение прокурора с заявлением об оспаривании сделок должника соответствовало бы функции прокуратуры, и способствовало бы реализации целей процедуры банкротства, а с отсутствием надлежащего правового регулирования. Предположим, что имущество, находящееся в государственной собственности, отчуждается с нарушением законодательства и легализуется, путём заключения череды фиктивных сделок, при этом участники данной цепочки сделок признаются банкротами. Полагаю, что в подобном случае обращение прокурора с заявлением об оспаривании сделки, в том числе и по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, явилось бы наиболее эффективным способом возврата имущества законному собственнику.

Следует отметить, что право на оспаривание сделок должника может быть ограничено, с учётом специфики отдельных процедур банкротства. Так, например, в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и реструктуризации долгов гражданина, сделки должника не могут быть

оспорены по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве.

Следующей особенностью обособленных споров по оспариванию сделок должника является повышенная процессуальная активность суда. Так, в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» к обязанностям суда, отнесены:

1) самостоятельная правовая квалификация спорного правоотношения, возникшего между сторонами и признание сделки недействительной в соответствии с надлежащей нормой права, если суд придет к выводу о наличии иного правового основания недействительности сделки, чем то, на которое ссылается истец (например, п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве вместо статьи 61.3 данного Закона, или наоборот).

Необходимо отметить, что подобное положение соотносится с правовой позицией, содержащейся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которой, по смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ или ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам;

2) самостоятельное применение последствий недействительности сделки, независимо от того, было ли указано на это в заявлении об оспаривании сделки;

3) квалификация сделки, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожной (на основании статей 10 и 168 ГК), в том числе при рассмотрении требования кредитора, основанного на такой сделке, вне зависимости от специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. Подобная повышенная процессуальная активность суда объясняется существованием

публичной цели банкротства, а именно - сохранением баланса прав и законных интересов должника и кредиторов.

Закон о банкротстве также предусматривает исключение из общего правила о течении срока исковой давности для оспаривания сделок.

Предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве основания недействительности сделок влекут оспоримость, а не ничтожность соответствующих сделок. В соответствии с п.2 ст.181 ГК РФ, срок исковой давности по требованиям о признании недействительной оспоримой сделки составляет один год и для лица, не являющегося участником сделки, начинается течь с момента, когда лицо узнало или должно было узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

При оспаривании сделок в процедуре банкротства, срок исковой давности исчисляется с момента, когда первый, утверждённый в деле арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки. Анализ судебной практики показывает, что суды связывают момент начала течения срока исковой давности для оспаривания сделок должника с различными событиями, приведу некоторые из них:

- 1) получение арбитражным управляющим документов или информации от бывшего руководителя должника;
- 2) получение ответов из регистрирующих органов (ГАИ, ГИМС, Ростехнадзор и др.);
- 3) получение банковских выписок о движении денежных средств по счетам должника;
- 4) получение сведений из налогового органа.

Однако, как было сказано ранее, правом на обращение с заявлением о признании сделки недействительной обладают также и конкурсные кредиторы должника. При этом, в силу п.2 ст.61.9 Закона о банкротстве, срок исковой давности для них, также начинается течь с момента, когда об

основаниях для оспаривания сделки узнал арбитражный управляющий. Подобный подход законодателя обусловлен попыткой сохранения баланса между принципом правовой определённости и принципом права на доступ к правосудию. Конкурсный кредитор в процедуре банкротства обладает широким комплексом прав (участие в собрании кредиторов, знакомство с материалами дела о банкротстве, обжалования бездействия арбитражного управляющего и т.д.). В этой связи, предполагается, что, действуя разумно, кредитор имеет возможность получить сведения о наличии оснований для оспаривания сделок и реализовать своё право.

При этом, согласно п.32 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 23 декабря 2010 г. № 63, если исковая давность по требованию о признании сделки недействительной пропущена по вине арбитражного управляющего, то с него могут быть взысканы убытки, причиненные таким пропуском, в размере, определяемом судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности.

Необходимо отметить, что указанные правила исчисления срока исковой давности применяются только в случае оспаривания сделок по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве.

2.2. Роль специальных презумпций, в доказывании вины контролирующих должника лиц

Доказательные презумпции – традиционный инструмент процессуального права. Под презумпцией понимают правовое средство, основанное на предположении о существовании факта, которое считается истинным, пока ложность такого предположения не доказана¹.

¹ Абрамов С.И. Роль правовых презумпций в контексте формирования института имущественной ответственности при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С.52.

Под презумпциями обычно понимаются законодательно утвержденные суждения, требующие подтверждения или опровержения для придания им конкретного юридического значения¹.

По некоторым сведениям, ведущая роль в разработке концепции реформы 2017 г. принадлежала Федеральной налоговой службе. Заместитель руководителя ФНС России С.А. Аракелов так описывает мотивы и цели реформаторов: «Основная проблема банкротства - его популярность. Оно остается способом уклонения от уплаты долгов... Субсидиарная ответственность сможет решить эту проблему и заставить отвечать реальных бенефициаров банкротства... [вследствие чего] может стать ключевым мотиватором к финансовому оздоровлению».

Кроме того, телеологическое значение новелл иллюстрируют и более ранние высказывания С.А. Аракелова: «...В рамках банкротства мы получали только 3...5 % от суммы требований в реестре кредиторов. У других системных кредиторов этот процент существенно больше. И мы главной задачей поставили сделать каждую процедуру банкротства экономически эффективной для бюджета». При этом Федеральная налоговая служба является не только инициатором реформы, но и в некотором смысле ее бенефициаром. Так, Е.Д. Суворов обращает внимание на предусмотренную в пп. 3 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве презумпцию доведения до банкротства, гипотеза которой основана на доле свыше 50 % требований кредиторов, возникших результате привлечения к публично-правовой ответственности (в том числе за налоговые правонарушения). По мнению автора, такая формулировка основания презумпции указывает на явный «...уклон в направлении привлечения и обеспечения взыскания».

Применяются общие гражданско-правовые презумпции: полагается добросовестность участников гражданского оборота (п. п. 3 и 4 ст. 1, п. 2 ст.

¹ Михайлова В.И. Роль правовых презумпций в процессе несостоятельности (банкротства) / В.И. Михайлова // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С. 40.

б, ст. 10 ГК РФ, а также «презумпция вины» – как необходимость доказывания отсутствия вины лицом, нарушившим обязательство (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Процедура несостоятельности (банкротства), с одной стороны, служит интересам добросовестного должника, облегчая его материальное состояние, обремененное непосильным долгом. С другой стороны, она – исключительный инструмент защиты интересов кредиторов, в том числе от противоправного поведения самого должника и лиц, его контролирующих.

Презумпции играют огромную роль при распределении бремени доказывания и при определении, какие признаки необходимо доказывать заявителю, а какие должен доказывать ответчик.

Особо значимую роль презумпции играют в рамках института субсидиарной ответственности КДЛ при банкротстве юридических лиц. В рамках осуществленной в 2017 г. реформы их состав был расширен, а механизм применения уточнен.

Важнейшие опровержимые презумпции, относимые к ответственности КДЛ в процессах банкротства, содержатся в главах III.1 и III.2 Закона о банкротстве.

Во-первых, при оспаривании подозрительных сделок должника Закон о банкротстве устанавливает презумпцию знания заинтересованным лицом о причинении вреда имущественным интересам кредиторов, ущемлении их интересов, либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника при совершении им подозрительных сделок (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Презюмируется цель причинения вреда имущественным правам кредиторов, если на момент сделки должник отвечал или в результате сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была безвозмездной или в отношении заинтересованного лица, или направлена на выплату (выдел) доли в имуществе должника участнику в связи с выходом из состава участников, либо совершена при наличии одного из предусмотренных нормой условий

(подп. 2 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Процедура банкротства предполагает публикацию сведений в установленном порядке. При оспаривании подозрительных сделок, совершенных после таких публикаций, следует полагать, что любому лицу известно о признаках неплатежеспособности должника, пока не будет доказано иное¹.

Также презюмируется знание заинтересованным лицом о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника при оспаривании сделок, влекущих за собой оказание предпочтения одному кредитору перед другими кредиторами (ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Глава III.2 Закона о банкротстве, введенная Законом № 266-ФЗ, содержит презумпции, предметом которых являются соответственно статус лица как субъекта ответственности и наличие причинно-следственной связи между действиями такого лица и невозможностью полного погашения требований кредиторов.

По мнению А.В. Лавриненко, все презумпции, предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве, разделяются на две группы: презумпции контроля и презумпции ответственности².

Пункт 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве содержит три презумпции контроля:

1) презюмируется наличие контроля над должником руководителя или управляющей организации должника, ликвидатора должника, члена ликвидационной комиссии. Примечательно положение номинального руководителя – лица, формально входящего в состав органов юридического лица, но не осуществляющего фактическое управление: он не утрачивает статуса КДЛ, и несет субсидиарную ответственность согласно солидарно с фактическим руководителем (ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве);

¹ Михайлова В.И. Роль правовых презумпций в процессе несостоятельности (банкротства). С. 23.

² Лавриненко А.В. О некоторых вопросах, возникающих с применением презумпций при доказывании субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник исполнительного производства. 2019. № 4. С. 49.

2) если не доказано иное, предполагается наличие контроля у лиц, в единоличной или совместной собственности которых находятся 50 % и более голосующих акций (долей) в АО (ООО) или более чем 1/2 голосов в общем собрании участников юридического лица, а также если такое лицо имело право назначать (избирать) руководителя должника. Отмечается, что не признаются контролирующими лица только по признаку прямого владения менее чем 10% уставного капитала ЮЛ и получения связанного с этим обычного дохода (п. 6 ст. 61.10 Закона о банкротстве);

3) предполагается, что лицо является КДЛ, если извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения единоличного исполнительного органа юридического лица. Примечательно, что «фактом-основанием» здесь выступает (в гипотезе нормы) доказываемое получение КДЛ выгоды от противоправного поведения единоличного исполнительного органа, а «фактом-предположением» (в диспозиции) - статус лица как КДЛ.

Пять презумпций ответственности содержатся в п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве. Презюмируется невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие поведения КДЛ (основополагающий факт-предположение) при наличии хотя бы одного из обстоятельств:

1) причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения им одной или нескольких сделок должника;

2) отсутствие у КДЛ или сокрытие КДЛ финансовой и иной документации, или когда такая информация искажена. Основа презумпции – предположение о сокрытии КДЛ информации, необходимой для установления фактов недобросовестности со стороны КДЛ;

3) имеются одновременно два факта-основания: должник или его должностные лица или его единоличный исполнительный орган привлечены к административной, уголовной, налоговой ответственности за допущенные правонарушения, и при этом размер основного долга, в том числе установленный в результате производства по делам о таких

правонарушениях, превышает 50% от общего размера требований кредиторов третьей очереди;

4) На момент введения наблюдения (либо назначения временной администрации финансовой организации) отсутствуют или искажены документы, которые должник обязан хранить, позволяющие установить контролирующих должника лиц;

5) Если на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены в государственные реестры подлежащие обязательному внесению сведения, либо внесены недостоверные сведения о фактах деятельности юридического лица, если обязанность по их внесению возложена на это юридическое лицо.

Презумпции ответственности играют важнейшую роль в процессе банкротства при разрешении арбитражными судами вопросов о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ.

Общие гражданско-правовые презумпции и специальные презумпции, закрепленные в Законе о банкротстве, образуют жесткую технико-правовую конструкцию. Презумпции Закона о банкротстве стали его отличительной особенностью, усиливая его «прокредиторскую» ориентированность.

В этой связи представляет интерес письмо ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@, содержащее разъяснения в отношении применения нововведений на практике.

Так, п. 3 ст. 61.11 Закона о банкротстве устраняет правовую неопределенность в отношении спорных сделок, заключением которых причинен существенный вред, и отменяет необходимость признания такой сделки недействительной с целью обращения с заявлением о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности (см. выше первую презумпцию ответственности, подп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Указанная норма направлена на процессуальную и временную экономию, поскольку позволяет в одном обособленном споре по привлечению к субсидиарной ответственности заявить о привлечении к субсидиарной ответственности с использованием первой презумпции и в

отсутствие судебных актов о признании сделок недействительными, прямо в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности указать все основания для признания их недействительными, приложив соответствующие доказательства. При этом указанная норма не отменяет того, что при наличии судебных актов о признании сделок недействительными, они являются безусловными доказательствами факта-основания данной презумпции.

Кроме того, эту презумпцию, возможно использовать в тех случаях, когда в связи с недостаточным количеством голосов (п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве) у уполномоченного органа отсутствует право оспаривания сделок, а правовые основания для их оспаривания есть.

В подп. 1 п. 2 ст. 61.11 для целей оспаривания сделок введено новое оценочное понятие – существенный вред (ранее статья 10 предусматривала просто наличие вреда).

При этом Закон о банкротстве не содержит критериев, по которым возможно квалифицировать вред как существенный или несущественный. В этой связи с учетом аналогии п. 2 ст. 61.2, ст. 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ¹, ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ² рекомендуется считать существенным вредом вред, причиненный сделками с активами на сумму сделки, эквивалентную 20–25 % общей балансовой стоимости имущества должника.

Размер существенности может быть и меньше, если доказать, что выведено имущество, отсутствие которого осложнит или сделает невозможной хозяйственную деятельность должника.

Вместе с тем, при очевидной несоразмерности вреда, причиненного недействительной сделкой, размеру субсидиарной ответственности, такой

¹ Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

² Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

размер может быть соответствующим образом уменьшен судом (абзац второй п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве), например, по реестру субсидиарной ответственности – 100 млн. руб., а по сделке, признанной недействительной (отчуждение автомобиля без равноценного встречного предоставления), причинен ущерб в размере 300 тыс. руб., который не мог повлечь банкротство. В данном случае есть основания для взыскания убытков (ст. 61.20 Закона о банкротстве).

В случае применения второй презумпции ответственности (подп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве), к ответственности привлекается не только директор, как лицо, которое должно организовать ведение бухгалтерского учета и хранения документов, как это было ранее, но и лица, которые обязаны этот учет и хранение вести непосредственно (то есть это бухгалтеры и/или юристы, и/или иные лица в части своей компетенции, что, однако, не освобождает от доказывания их статуса как КДЛ).

В отношении применения третьей презумпции ответственности (подп. 3 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) важно отметить, что само по себе наличие ненормативного правового акта или приговора суда, которым руководитель должника признан виновным в совершении административного, налогового или уголовного правонарушения, не освобождает заявителя от обязанности доказывания оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, установленных пунктом 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве (за исключением случаев, предусмотренных ст. 69 АПК РФ). Но в том случае, если размер основного долга, установленного указанными актами, превышает 50% от общего размера требований кредиторов третьей очереди, включенных в реестр требований кредиторов по основной сумме задолженности, это является доказательством факта-основания третьей презумпции ответственности, предусмотренной подпунктом 3 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, а, следовательно, считается доказанным и факт-предположение, который заключается в том, что невозможность полного погашения требований кредиторов вызвана

действиями лиц, указанных в п. 5 ст. 61.11 Закона о банкротстве (то есть руководителем или иным контролирующим лицом, фактическое руководство которого доказано). По данному вопросу существует положительная судебная практика: постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 22 августа 2017 г. по делу № А06-9070/2015, Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А44-9170/2015, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 июля 2017 г. по делу № А45-9562/2015.

При применении четвертой презумпции ответственности (подп. 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) имеет значение связь невозможности полного погашения требований кредиторов с отсутствием или искажением корпоративной документации. Обязанность по хранению указанных документов предусмотрена ст. 89 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ, ст. 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ, ст. 28 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ¹, п. 2.1 ст. 6 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-1², ст. 29 Федерального закона «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ³, п. 5 ст. 39 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ⁴ и иными нормативными правовыми актами.

К субсидиарной ответственности с использованием данной презумпции наряду с руководителем должника могут быть привлечены иные должностные лица компании, отвечающее за составление и хранение корпоративной документации (например, корпоративный секретарь, что,

¹ Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 48, Ст. 4746,

² Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

³ Федеральный закон «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.

⁴ Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

однако не освобождает от доказывания его статуса как лица, контролирующего должника). При этом единоличный исполнительный орган юридического лица, как лицо, на которое безусловно возложена обязанность по организации хранения документов, не может быть исключен из числа субсидиарных ответчиков и привлекается солидарно с иными лицами. Если презумпция, предусмотренная пп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, предусматривает субсидиарную ответственность, поскольку от арбитражного управляющего и кредиторов скрываются документы, которые влияют на полноту формирования конкурсной массы, то презумпция, предусмотренная подпунктом 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, предусматривает субсидиарную ответственность, поскольку от арбитражного управляющего и кредиторов скрываются документы, позволяющие установить КДЛ.

При применении пятой презумпции ответственности (подп. 5 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве) имеет значение прямая связь между невозможностью полного погашения требований кредиторов и отсутствием или недостоверностью сведений, подлежащих отражению в ЕГРЮЛ и ЕФРСФДЮЛ.

Соккрытие юридическим лицом или раскрытие недостоверной информации о себе, своем местонахождении, размере уставного капитала, стоимости чистых активов, о финансовой и (или) бухгалтерской отчетности, о наличии лицензий, о залоге имущества, о лизинге и т.п. лишает контрагентов такого должника возможности получения информации, подлежащей публичному раскрытию, вводит их в заблуждение. Эту информацию, по аналогии с положениями статьи 431.2 ГК РФ, можно отнести к заверениям, но сделанным публично. Поскольку законодатель полагает, что стороны будут вступать (или избегать вступления) в гражданско-правовые отношения, в том числе полагаясь на публичные заверения о себе, то в случае представления недостоверных сведений (непредставления сведений, наличие которых в общедоступных реестрах предусмотрено законом) предоставившая их сторона должна возместить

убытки, а в случае банкротства руководитель должника и лица, на которых от имени юридического лица возложены обязанности по раскрытию информации (как должностные лица, так и лица, действующие по доверенности), должны нести субсидиарную ответственность.

Следует отметить, что широкое использование презумптивного инструментария существенно осложняет положение привлекаемых к субсидиарной ответственности лиц в рамках дела о банкротстве, и не снижает, а, скорее, усугубляет нетипично высокую роль судебного усмотрения при рассмотрении споров о привлечении к имущественной ответственности при банкротстве. Это обусловлено и спецификой соответствующих материальных отношений, и предметом доказывания по данной категории дел, и формулировками самих презумпций, изобилующих оценочными категориями; кроме того, применение презумпций предполагает необходимость определения точки «бифуркации» при переходе бремени доказывания между участниками спора. При этом готовность судов к широкой дискреции при наличии сложной, по сравнению с другими категориями дел, доказательственной системы может вызывать сомнения. Возможно, именно этим объясняется столь подробная регламентация, предоставленная судам в Постановлении № 53. Однако, так или иначе, усложнение экономических отношений неизбежно требует повышения гибкости их регулирования, которая может быть обеспечена именно судами. Вместе с тем востребованность презумпций как правового средства в рамках института имущественной ответственности при банкротстве не вызывает сомнений.

Перераспределение бремени доказывания с их помощью позволяет преодолеть свойственный данной категории споров дефицит доказательств на стороне заявителя, тем самым создавая предпосылки для эффективного функционирования института субсидиарной ответственности при банкротстве в интересах участников гражданского оборота. Возможные альтернативы при этом сводятся к использованию специфических средств

доказывания, которые, однако, доступны лишь государству в лице уполномоченного органа. Помимо возникающего в данном случае неравенства участников гражданских правоотношений, опасность представляет инфильтрация в эти отношения публично-правовых начал, а также появление у недобросовестных лиц возможности получать преимущества, лишь избегая наличия задолженности по обязательным платежам.

2.3. Порядок рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве

Статья 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – АПК РФ)¹ определяет форму и содержание заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, а ст. 61.14 Закона о банкротстве устанавливает, что такое заявление на любой стадии банкротства могут подать следующие лица:

- 1) назначенный судом арбитражный управляющий;
- 2) конкурсные кредиторы;
- 3) избираемый представитель работников фирмы должника;
- 4) прокуратура или ФНС.

Если конкурсное производство окончено, или дело прекращено из-за нехватки денег на судебные издержки, то заявление также вправе подавать кредиторы, чьи требования не заявлены в Едином реестре, а также инициатор возбуждения дела о банкротстве и бывшие сотрудники фирмы должника, которым не выплатили все зарплатные долги.

Заявление подается в суд после получения уведомления о вручении копии иска ответчику. Если заявление составлено в соответствии с правилами ст. 125 АПК РФ, и поданы все нужные документы, судья в

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

течение 5 дней выносит определение, которое является основанием для возбуждения дела. Важно учесть, что составление отзыва на заявление является обязанностью ответчика по делу о субсидиарной ответственности (ст. 61.15 Закона о банкротстве).

Согласно п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве, заявление о субсидиарной ответственности может подаваться в течение 3 лет с момента, когда заявителю стали известны или должны были стать известны факты, свидетельствующие о влиянии ответчика на деятельность фирмы должника, приведшей к банкротству. При этом заявление подается не позднее, чем через 3 года после любого из следующих событий – 1) признания должника банкротом; 2) прекращения дела о банкротстве по любой причине; 3) возврата заявления о банкротстве (для заявителя – налогового органа).

Ответчик может быть привлечен к субсидиарной ответственности не позднее 10 лет с момента совершения действий или бездействия, негативно повлиявших на деятельность фирмы должника. Госпошлина зависит от величины искового требования – суммы всех неудовлетворенных претензий кредиторов или части таких претензий, возникших по вине контролирующего должника субъекта¹.

Заявления о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по общему правилу подлежат рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о банкротстве должника (п. 1 ст. 61.16 Закона о банкротстве).

В целях повышения уровня мотивированности подаваемых заявлений Гл. III.2 Закона о банкротстве установлен процессуальный «фильтр» на стадии принятия заявления к производству - предварительная оценка судом наличия признаков КДЛ у субсидиарных ответчиков. Так, согласно п. 2 ст. 61.16 Закона о банкротстве, в заявлении о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности должны содержаться сведения, позволяющие с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованные

¹ Алтухов А.В., Левичев С.В. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 27.

предположения о том, что ответчик, указанный в заявлении, является или являлся КДЛ. Другими словами, как справедливо отмечается в п. 9 письма ФНС № СА-4-18/16148@, стандарт доказывания статуса КДЛ для целей принятия заявления о привлечении к субсидиарной ответственности является пониженным¹.

Если в заявлении указанные обстоятельства не отражены и (или) к нему не приложены доказательства, подтверждающие, по мнению заявителя, данные обстоятельства, суд оставляет заявление без движения, а при неустранении допущенных нарушений - возвращает его по правилам п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ.

В пункте 33 Постановления № 53 имеется уточнение, что под сведениями, указанными в пункте 2 ст. 61.16 Закона о банкротстве, следует понимать обстоятельства, на которых основаны утверждения заявителя о наличии у ответчика статуса КДЛ, и подтверждающие их доказательства. При этом доказательства, представленные заявителем, не исследуются судом при рассмотрении вопроса о возможности принятия заявления к производству. Предварительное судебное заседание как самостоятельная стадия арбитражного процесса по делам о банкротстве (включая обособленные споры) не проводится. Однако гл. III.2 Закона о банкротстве обозначила специфику обособленных споров о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности. В силу пункта 3 ст. 61.16 Закона о банкротстве при подготовке таких споров к судебному разбирательству должно проводиться предварительное судебное заседание по правилам ст. 136 АПК РФ.

Представляется, что непроведение предварительного судебного заседания, предусмотренного пунктом 3 ст. 61.16 Закона о банкротстве, само по себе не является безусловным основанием для отмены принятых судебных актов. Несоблюдение процессуального порядка рассмотрения заявления о

¹ Орленко В. Привлечение руководителей и других контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства (последние законодательные изменения и особенности их применения) // Трудовое право. 2018. № 4. С. 5.

привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности в этой части может служить основанием для отмены лишь в случаях, указанных в части 3 ст. 270 и части 3 ст. 288 АПК РФ, т.е. тогда, когда данное нарушение привело или могло привести к принятию неправильного судебного акта. Так, суд отклонил доводы кассационных жалоб относительно допущенных судом процессуальных нарушений, выразившихся в непроведении предварительного судебного заседания при рассмотрении заявления о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, и указал, что заявители принимали участие при рассмотрении спора и «не утверждают, что они были лишены таким образом возможности представить доказательства в суд первой или апелляционной инстанции»¹.

По общему правилу части 1 ст. 152 АПК РФ дело должно быть рассмотрено арбитражным судом первой инстанции в срок, не превышающий трех месяцев со дня поступления заявления в суд. Пункт 34 Постановления № 53 содержит разъяснение, что заявление рассматривается судом не в общий трехмесячный срок, установленный ст. 152 АПК РФ, а в разумный срок применительно к положениям части 2 ст. 225.16 АПК РФ. В соответствии с этой нормой дело о защите прав и законных интересов группы лиц рассматривается арбитражным судом в срок, не превышающий пяти месяцев со дня вынесения определения о принятии искового заявления, заявления к производству арбитражного суда, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и принятие решения по делу.

Руководитель должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности по правилам статьи 61.12 Закона о банкротстве, если он не исполнил обязанность по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве в месячный срок. Если учредительным документом должника предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 марта 2018 г. № Ф05-1277/2018 по делу № А40-31272/15 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b332a19d-5097 - 4989-9f02-2e91c85fe06d/fa260fba-c331-49d0-aba2-c6e14a09e4b2/A40-31272-2015_20180302_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?is_AddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).

предоставлены нескольким лицам (директорам), действующим совместно или независимо друг от друга (абзац третий пункта 1 статьи 53 ГК РФ), по общему правилу, указанные лица несут субсидиарную ответственность, предусмотренную статьей 61.12 Закона о банкротстве, солидарно.

Если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абз. 5, 7 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве, и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах¹.

Исполнение руководителем обязанности по обращению в суд с заявлением должника о собственном банкротстве, как следует из статьи 9 Закона о банкротстве, не ставится в зависимость от того, имеются ли у должника средства, достаточные для финансирования процедур банкротства. По смыслу п. 5 ст. 61, п. 2 ст. 62 ГК РФ при недостаточности имущества должника на эти цели необходимые расходы могут быть отнесены на его учредителей (участников).

Не несут ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве члены ликвидационной комиссии, которые действовали добросовестно, приняв все зависящие от них меры, необходимые для подачи комиссией заявления о банкротстве (в частности, требовали созыва собрания членов комиссии, голосовали за принятие соответствующего решения и т.д.), однако их позиция не была поддержана другими членами ликвидационной комиссии. Бремя доказывания

¹ Любимова Е.Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 61.

указанных обстоятельств лежит на привлекаемых к ответственности членах ликвидационной комиссии.

В главе III.2 Закона о банкротстве сохранена возможность подачи заявлений о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве должника (после завершения конкурсного производства, прекращения производства по делу о банкротстве в связи с недостаточностью средств для возмещения судебных расходов или возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом). Такая возможность была возвращена в российское законодательство Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ¹, внесшим существенные изменения в Закон о банкротстве.

Закон о банкротстве отдельно регламентирует особенности подачи и рассмотрения вне рамок дела о банкротстве заявления о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 61.11 (за невозможность полного погашения требований кредиторов), в пунктах 1–4 ст. 61.19, и по основаниям, предусмотренным ст. 61.11 (за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника) – в п. 5 ст. 61.19 Закона о банкротстве. В обоих случаях заявление о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности рассматривается арбитражным судом, ранее рассматривавшим дело о банкротстве.

Заявление о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 61.11, рассматривается по правилам рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц (гл. 28.2 АПК РФ), а заявление о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 61.12, – по правилам искового производства (подп. 2 п. 4, п. 5 ст. 61.19 Закона о банкротстве). Буквальное толкование указанных норм позволяло прийти к выводу о том, что в последнем случае «заявление рассматривается по правилам искового

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ // СЗ РФ. 2017 №1 (Часть I), Ст. 29.

производства, а не коллективного иска» (п. 12.2 письма ФНС). Однако Пленум Верховного Суда РФ, прибегнув к аналогии закона, дал иное разъяснение, указав, что заявление о привлечении к субсидиарной ответственности как по основаниям, предусмотренным ст. 61.11, так и по основаниям, предусмотренным ст. 61.12 Закона о банкротстве (ч. 6 ст. 13 АПК РФ), поданное вне рамок дела о банкротстве, считается предъявленным в интересах всех кредиторов, имеющих право на присоединение к иску, независимо от того, какой перечень кредиторов содержится в тексте заявления, и должно рассматриваться судом по правилам Гл. 28.2 АПК РФ (п. 51 Постановления № 53).

При этом, исходя из целей законодательного регулирования и общеправового принципа равенства, кредиторами, имеющими право на присоединение к заявлению о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, поданному одним из кредиторов, должны признаваться не только кредиторы, обладающие правом на обращение с таким же заявлением (п.п. 1–4 ст. 61.14 Закона о банкротстве), но и иные кредиторы, требования которых к должнику подтверждены вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона (п. 52 Постановления № 53).

Из ч. 5 ст. 225.16 АПК РФ следует, что лицо, не воспользовавшееся правом на присоединение к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, утрачивает право на последующее предъявление требования к тому же ответчику и по тем же основаниям. Данное правило распространяется и на кредитора, не реализовавшего право на присоединение к заявлению о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, поданному вне рамок дела о банкротстве. Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ предусмотрел исключение – объективная невозможность присоединения кредитора к первому требованию о привлечении к субсидиарной ответственности (если, например, судебное решение, подтверждающее задолженность перед ним (или иной документ - для случаев

взыскания задолженности во внесудебном порядке), не вступило в законную силу) (п. 57 Постановления № 53).

Следует отметить, что не может быть повторно разрешен иск о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности, поданный вне рамок дела о банкротстве, если ранее требование по тем же основаниям к тому же лицу было предъявлено и рассмотрено в деле о банкротстве. Это прямо следует из нормы п. 3 ст. 61.19 Закона о банкротстве, относящейся к заявлениям о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 61.11. Однако данный вывод справедлив и для заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 61.12 Закона о банкротстве (п. 12.2 письма ФНС от 16 августа 2017 г., п. 57 Постановления № 53).

Отметим, что положения Гл. III.2 Закона о банкротстве и Постановления № 53 предоставляют всем участникам дел о банкротстве (кредиторам, арбитражному управляющему, суду) внушительный арсенал средств воздействия на КДЛ, в том числе процессуальных. Пока что сложно однозначно судить об эффективности новых правил, но уже сейчас можно констатировать, что законодателем и высшей судебной инстанцией сделан значительный шаг вперед на пути развития и совершенствования банкротных процедур.

Согласно п. 35 Постановления № 53, если в производстве суда находятся два и более дела (обособленных спора) о привлечении к ответственности лиц, контролирующих одного и того же должника, такие дела (обособленные споры) могут быть объединены в одно производство для совместного рассмотрения по правилам ч. 2.1 ст. 130 АПК РФ.

Ни Закон о банкротстве, ни Постановление № 53 не дают однозначного ответа на вопрос о том, допустимо ли объединить в одно производство заявления, поданные к одним и тем же лицам, но по разным основаниям ответственности (ст.ст. 61.11–61.13, 61.20 Закона о банкротстве).

Важно отметить, что в силу ст. 61.14 Закона о банкротстве, заявление о

привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности при соблюдении ряда условий может быть подано –

- 1) после возврата арбитражным судом заявления о признании должника банкротом;
- 2) прекращения производства по делу о банкротстве;
- 3) завершения процедуры конкурсного производства.

В случае отсутствия средств на финансирование процедуры банкротства и прекращения производства по делу на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом заявитель вправе предъявить вне рамок дела о несостоятельности требование, о привлечении к субсидиарной ответственности (п. 1 Постановления № 53).

Также необходимо отметить, что даже если организация была исключена из Единого государственного реестра юридических лиц как недействующая компания, ее КДЛ при наличии оснований могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам этой компании. Соответствующие изменения внесены в ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ¹.

Учитывая специфику каждого из видов ответственности, в том числе в вопросах размера ответственности, порядка взыскания, субъектного состава взыскателей и правил о приостановлении производства, позволим себе предположить, что в большинстве случаев целесообразность в объединении споров, заявленных к разным лицам и по разным основаниям ответственности, отсутствует. Объединение производств в указанных случаях не достигает цели процессуальной экономии и даже скорее, наоборот, способно породить череду теоретических и практических проблем (к примеру, в части исполнения или обжалования судебного акта)².

¹ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² Любимова Е.Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов. С. 70.

Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений (ч. 1 ст. 65 АПК РФ). Поэтому по общему правилу бремя доказывания наличия оснований привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности лежит на лице, подавшем соответствующее заявление. При этом в окончательной редакции п. 56 Постановления № 53 лицами, на которых лежит бремя доказывания, названы не заявитель, а арбитражный управляющий, а также кредиторы, в интересах которых заявлено требование о привлечении КДЛ к ответственности, что, по существу, можно рассматривать как расширительное толкование части 1 ст. 65 АПК РФ применительно к таким спорам. В свою очередь лицо, в отношении которого подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, обязано представить отзыв с указанием возражений относительно предъявленных к нему требований по каждому доводу, содержащемуся в заявлении (п. 2 ст. 61.15 Закона о банкротстве, ч. 1 ст. 131 АПК РФ). Обязанность представления отзыва согласуется с процессуальным статусом ответчика, которым закон теперь прямо наделяет лицо, в отношении которого подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности (п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве).

Одной из заметных новелл Гл. III.2 Закона о банкротстве явилось установление специальных (по отношению к общим правилам АПК РФ) последствий непредставления лицом, привлекаемым к субсидиарной ответственности, отзыва по причинам, признанным судом неуважительными, или явной неполноты возражений относительно предъявленных к нему требований по доводам, содержащимся в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности. В этом случае суд вправе возложить бремя доказывания отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности на привлекаемое лицо (п. 4 ст. 61.16 Закона о банкротстве).

Важно подчеркнуть, что, как следует из п. 56 Постановления № 53, арбитражному управляющему и (или) кредиторам достаточно представить косвенные доказательства в обоснование утверждений о наличии у

привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего¹. После этого бремя опровержения данных утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства, представленные арбитражным управляющим, кредиторами, не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и дав пояснения, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность.

Представляется, что указанный подход Пленума Верховного Суда РФ позволяет констатировать понижение стандарта доказывания статуса КДЛ не только для целей принятия заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, о чем сказано выше, но и в целом для разрешения подобных споров.

2.4. Вопросы защиты интересов лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в результате банкротства

Защита интересов лиц, которые в соответствии с Законом о банкротстве соответствуют признакам контролирующих должника, представляется весьма актуальной проблемой, точнее даже не одной проблемой или задачей, а целым рядом вопросов или задач, которые требуют ответов или решений на разных профессиональных уровнях – теории права, законодательной инициативы и правоприменительного толкования, наконец, на уровне юриспруденции, как профессиональной деятельности практикующих юристов. Но следует разобраться, чьи и какие именно интересы каким образом могут быть нарушены на стороне дополнительного должника в процессе банкротства, для того, чтобы в полной мере и

¹ Алтухов А.В., Левичев С.В. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве. С. 32.

обоснованно делать выводы о допустимости тех или иных инструментов и способов защиты.

Ниже мы рассмотрим а) политико-правовые причины дисбаланса интересов и нормативные-правовые основания защиты интересов субсидиарных должников в отношениях, связанных с привлечением к субсидиарной ответственности при банкротстве; б) систему защиты субсидиарного должника от требований кредиторов в связи с реализацией субсидиарной ответственности; в) обоснованные и применимые тенденции развития института субсидиарной ответственности при банкротстве в современном российском праве.

А) Итак, причем здесь правовая политика?

Не вызывает сомнений необходимость существования правового института субсидиарной ответственности при банкротстве, как исключительного инструмента защиты имущественных прав кредиторов, но имущественные интересы несостоятельного должника и контролирующих его лиц не должны остаться без охраны. Тем не менее, сама возможность установления баланса интересов в отношениях, связанных с применением субсидиарной ответственности при банкротстве, зависит от особенностей той правовой политики, которая к настоящему времени государством обозначена, хотя и не объявлена.

Анализируя в Гл. 1 настоящей работы правовую природу и основания субсидиарной ответственности, мы пришли к выводу, что ее цель состоит в наказании тех, кто злоупотребляет положением контролирующего лица, выгодоприобретателя, в конечном счете – злоупотребляет ограниченной ответственностью в той части, в которой это противоречит целям юридического лица, поэтому именно мотив злоупотребления правом является юридически значимым основанием для привлечения лица к дополнительной ответственности.

Ранее, исследуя историко-правовые аспекты развития института субсидиарной ответственности, мы отметили, что введением в действие Гл.

III.2 Закона о банкротстве, принятием Постановления № 53 ни законодатель не ввел, ни правоприменитель «не открыл для себя» субсидиарную ответственность – как и прежде, к субсидиарной ответственности лицо может быть привлечено и за доведение до банкротства (ст. 61.11 Закона о банкротстве), и за неисполнение или ненадлежащее исполнение информационных обязанностей (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

Но если до введения в действие Закона № 266-ФЗ и принятия Постановления № 53 правовая политика характеризовалась осторожностью в части привлечения лиц к субсидиарной ответственности, и в большинстве случаев обособленные производства по делам о банкротстве, в которых рассматривались соответствующие заявления, заканчивались отказом, то сейчас ситуация изменилась коренным образом. Мера (субсидиарная ответственность), которая формально объявлена в качестве исключения (п. 1 Постановления № 53), призвана стать общим правилом.

Вот несколько общих наблюдений, из которых следует высокий риск объективного вменения субсидиарной ответственности при банкротстве¹:

1) согласно п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве лицо может быть при определенных условиях освобождено от ответственности номинального руководителя, или его ответственность может быть уменьшена, тогда как п.6 Постановления № 53 предусматривает только уменьшение, и то при условии, что информация о бенефициаре привела к улучшению положения кредиторов (компенсации имущественных потерь);

2) возможность лицу быть привлеченным к ответственности даже если его поведение лишь усугубило финансовое положение должника, но не стало причиной банкротства;

3) возможность вменения субсидиарной ответственности на любом этапе банкротной процедуры, например в ходе наблюдения, когда еще не

¹ Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов // Закон. 2018. № 7. с. 59.

сделан вывод о недостаточности имущества должника (п. 1 ст. 61.14 Закона о банкротстве).

Усиление позиции привлечения к ответственности как на законодательном, так и на правоприменительном уровне позволяет полагать, что цели правовой политики изменились, и выражаются в повышении качества и результативности взыскания в делах о банкротстве, допуская дисбаланс интересов в пользу кредиторов. Это объяснимо, ведь крупнейшим кредитором почти всех несостоятельных должников в России является государство в лице Федеральной налоговой службы.

Весьма показательно, что введенная Гл. III.2 Закона о банкротстве обширная система презумпций позволяет одновременно, пока предполагаемыми деликвентами не будет доказано иное:

1) считать контролируемыми лицами тех, кто получил выгоду от незаконных и недобросовестных сделок должника (подп.3 п. 4 ст. 61.10);

2) привлечь их к ответственности если в результате сделки финансовое положение должника лишь ухудшилось (подп. 2 п. 12 ст. 61.11);

3) установить, что такую сделку признавать недействительной необязательно (п. 3 ст. 61.11).

В сложившейся нормативно-правовой ситуации не нужно отменять необходимость доказывать наличие причинно-следственной связи между действиями привлекаемого лица и несостоятельностью должника, ее достаточно предположить, и в случае отсутствия возражений – вменить субсидиарную ответственность.

В общем смысле можно говорить о тенденции переноса (или переложения) с кредиторов рисков, связанных с несостоятельностью должника – юридического лица, на третьих лиц, называемых контролирующими должника, круг которых может быть весьма широк. Это представляется противоречащим принципу ограниченной ответственности юридического лица, порождающим конфликт интересов, который в правовом государстве может быть разрешен только справедливым образом.

Получается, что сам только поиск выгодоприобретателя в целях привлечения к субсидиарной ответственности изменяет политико-правовой подход: в первую очередь найти того, у кого имеется полученное за счет должника имущество, чтобы взыскать, а вовсе не того, кто реально злоупотребил конструкцией юридического лица.

Дисбаланс интересов в регулируемых государством общественных отношениях опасен для правовой системы государства в целом, так как, по общему мнению, стремление к справедливости есть одна из важнейших постоянных общественных целей, которая не может быть в этом случае достигнута¹.

Кроме того, по нашему глубокому убеждению, достижение баланса интересов в вопросе привлечения лиц к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве (по обязательствам несостоятельных должников) является конституционно значимой целью:

1) в силу ст. 19 Конституции Российской Федерации² все равны перед законом и судом, поэтому субсидиарный должник не должен испытывать дискриминации со стороны кредиторов в судебной (процессуальной) защите;

2) в силу ст. 35 Конституции защите подлежит право собственности субсидиарного должника и его право на недопустимость ее произвольного лишения, что может быть выражено в его праве не отвечать по несуществующим и недействительным требованиям и требовать от третьих лиц (включая арбитражного управляющего) возместить (компенсировать) ту часть конкурсной массы должника, которая была ими утрачена или растрочена в ходе банкротства;

3) субсидиарный должник имеет равное с кредиторами право на судебную защиту (ст. 46 Конституции) из чего следует право на защиту от необоснованных требований со стороны кредиторов или арбитражного

¹ Войниканис Е.А. Иванов А.Ю. Право четвертой промышленной революции в России: поиск точки опоры // Закон. 2018. № 5. С. 28

² Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. №237

управляющего, или от растраты конкурсной массы по независящим от него причинам;

4) к конституционно значимым также можно смело отнести право считаться добросовестным, в силу презумпции добросовестности, закрепленной п. 5 ст. 10 ГК РФ.

Таким образом, дисбаланс интересов действителен, существует и обусловлен установившейся правовой политикой в отношении выявления и привлечения к имущественной ответственности субсидиарных должников при банкротстве, что ставит их в уязвимое положение при рассмотрении судами дел о банкротстве, но при этом Конституцией их права гарантируются, и могут быть защищены имеющимися правовыми методами и средствами.

Б) Какие элементы или направления включает в себя система защиты интересов лица, которое может стать, или уже признано контролирующим лицом в целях привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве?

Нам видится, что таких основных направлений должно быть три: а) превентивное (аналитический этап); б) спор об основаниях привлечения к субсидиарной ответственности и в) спор об исключениях, в основе которого лежат возражения против привлечения к ответственности при наличии оснований, либо против привлечения к ответственности в полном объеме (процессуальные этапы).

Первое направление – превентивное – является не процессуально-правовым, а аналитическим, управленческим. Мы исходим из того, что лицам, входящим в «зону риска» субсидиарной ответственности (например, руководителям, финансовым директорам, бухгалтерам, акционерам и участникам хозяйственных обществ, осуществляющих материальное и управленческое взаимодействие с юридическими лицами) следует начать защищаться как можно раньше, лучше всего до того, когда появились первые признаки неплатежеспособности предприятия. И.Ю. Рыков справедливо

указывает, что вероятность благоприятного исхода возможного спора в связи с привлечением контролирующего лица к субсидиарной ответственности тем выше, чем раньше будет начат анализ экономического состояния компании, ее положения и правовая оценка рисков поведения контролирующих компанию лиц. По его мнению, наиболее благоприятный исход (98%) гарантирован, если подготовка к защите начата тогда, когда у юридического лица еще нет признаков банкротства, но есть определенные финансовые трудности, которые могут привести к нему в будущем. Но даже если уже идет судебное разбирательство по делу о банкротстве, и инициирован обособленный спор о привлечении к субсидиарной ответственности, еще не все потеряно (10%).

На этом этапе необходимо оценить в том числе правовые риски привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, исходя из финансово-экономического положения компании, следует оценить:

- кто может быть привлечен к субсидиарной ответственности;
- имеются ли (и каковы они) основания для привлечения к субсидиарной ответственности, и в каком размере она возможна;
- какие кредиторы могут подать соответствующее заявление;
- сформировать план действий на обозримый период, в том числе таких, которые будут иметь юридическое значение для отказа в привлечении к субсидиарной ответственности.

В рамках этой работы следует оценить в том числе уровень, качество, способ оформления отношений как с зависимыми юридическими лицами, с которыми компания может расцениваться как группа, так и с другими аффилированными лицами, с которыми риск субсидиарной ответственности в случае банкротства может быть разделен.

В момент, когда судом в рамках дела о банкротстве принято заявление о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, приходит время процессуальных способов защиты. Необходимо сделать оговорку, что разные типы спора со стороны субсидиарного должника (и

спор об основаниях привлечения, и спор об исключениях ответственности на основаниях возражений) могут иметь место в рамках одного и того же обособленного спора в рамках дела о банкротстве.

Здесь важно отметить, что защита субсидиарного должника в споре о субсидиарной ответственности несостоятельного должника производится посредством применения процессуальных прав, предоставленных контролирующему должника лицу: подавать в арбитражный суд документы, заявления и ходатайства; знакомиться с материалами дела о банкротстве как в целом, так и в части обособленного производства по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности; предоставлять суду доказательства, объяснения, возражения, знакомиться с доказательствами, предоставленными другими лицами, участвующими в деле, давать суду объяснения; обжаловать судебные акты и другие документы.

При этом важно помнить, что привлекаемое к субсидиарной ответственности лицо наделено процессуальными правами лишь в рамках данного обособленного спора, из чего следует, что такое лицо не может по своей инициативе без надлежащих оснований, являясь лишь контролирующим должника лицом, вступить в качестве стороны в другой обособленный спор по тому же делу о банкротстве.

Одним из направлений защиты субсидиарного должника в суде по заявлению о привлечении его к ответственности в рамках дела о банкротстве является спор об основаниях, где задачей контролирующего лица является убедительно доказать суду, что отсутствуют основания для его привлечения к субсидиарной ответственности.

По сути, такие доказательства могут иметь следующие цели:

- в споре о привлечении к субсидиарной ответственности по любому из оснований, предусмотренных ст. ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве – подтвердить факт, что лицо, в отношении которого подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности не является контролирующим,

так как не соответствует признакам, предусмотренным ст. 61.10 Закона о банкротстве, и не может быть привлечено к ответственности;

- в споре по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности за совершение сделок, причинивших вред кредиторам, важно доказать отсутствие умысла в причинении убытков или уменьшении имущества, преследование привлекаемым лицом интересов должника при осуществлении деятельности, а не своих собственных, а также добросовестность, разумность своих действий в интересах компании, согласно обычным условиям гражданского оборота (в этом случае согласно п.10 ст. 61.11 лицо освобождается от ответственности);

- в споре по заявлению о привлечении субсидиарного должника к ответственности за утрату или искажение документов бухгалтерского учета нужно доказывать, что отсутствие или искажение документов не затрудняло и не делало невозможным формирование и реализацию конкурсной массы (пподп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве), а также факт, что отсутствие или искажение документов не привело к невозможности определить основных контрагентов и контролирующих лиц или основные активы банкрота, или выявить подозрительные сделки, или проанализировать принятые учредителями и руководителями решения на предмет причинения убытков (п. 24 Постановления № 53); также необходимо, при наличии уважительных причин, доказывать их действие, так как это является основанием для уменьшения размера или освобождения от субсидиарной ответственности;

- в споре по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу заявления должника о банкротстве в рамках спора об основаниях следует проверить, правильно ли заявитель определил дату, с которой нужно отсчитывать срок на подачу заявления, так как этой датой обосновывается сама возможность привлечения к субсидиарной ответственности (и если она приведена неверно – последует отказ в привлечении к субсидиарной ответственности ввиду отсутствия оснований), а также проверить, имелись

ли на указанную заявителем дату признаки объективного банкротства (при их отсутствии основание для привлечения руководителя к субсидиарной ответственности также отсутствует).

Автор не настаивает на утверждении, что приведенные выше примеры споров об основаниях должны рассматриваться как гарантии благоприятного исхода, напротив, вероятность отказа в привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в результате банкротства зависит не только и не столько от возражений такого типа, но применять их следует по одной-единственной причине – пока судебный акт по соответствующему заявлению не принят, субсидиарная ответственность не установлена и, следовательно, не наступила.

Вторым направлением процессуальной защиты потенциальных субсидиарных должников, как указано выше, является спор об исключениях, или приведение таким лицом возражений – то есть таких обстоятельств, которые являются логичными и достаточными для отказа в привлечении к субсидиарной ответственности, даже если имеются основания для привлечения. Это направление мы назовем «возражения» и далее будем использовать этот термин.

Исходя из того, что потенциальный субсидиарный должник является или являлся контролирующим должника лицом в период, когда его действия могли быть причиной нарушения имущественных интересов кредиторов или неисполнения информационных обязанностей несостоятельным должником, все возражения, которые могут у него быть либо вытекают из отношений и деятельности основного должника, либо являются его личными, имеющими отношение только к нему.

К первым можно отнести возражения о пропуске исковой давности, а также об отсутствии долга.

Ко вторым, личным, мы можем отнести значительно большее количество возражений:

- о наличии у должника имущества в количестве достаточном для удовлетворения требований кредитора;
- о недобросовестности отдельных кредиторов или бенефициаров;
- о наличии у кредитора или кредиторов обеспечения, реализовав которое он или они могут удовлетворить свои требования;
- о наличии возможности прекратить долг проведением зачета;
- о размере вреда, влекущем уменьшение размера ответственности субсидиарного должника;
- о пропуске заявителем срока исковой давности для привлечения возражающего лица к субсидиарной ответственности.

Не забывая о том, что субсидиарная ответственность в банкротстве имеет своеобразную правовую природу и основания, следует учесть, что п. 3 ст. 399 ГК РФ подтверждает право любого субсидиарного должника на возражения, которые имеются у основного должника, причем даже если основной должник отказался от возражений, субсидиарный должник сохраняет право на возражения основного должника в силу п. 1 ст. 364 ГК РФ.

Следует также учесть, что приводимый перечень возражений не является исчерпывающим, и приведен автором исходя из доступного ему анализа нормативных правовых и правоприменительных актов.

В применении указанных возражений весьма важное значение будет иметь то, что в большинстве случаев субсидиарный должник столкнется с необходимостью давать возражения заявителям, которые ссылаются на судебные акты, вынесенные по делам, в которых он не принимал участия, при этом в этих судебных актах уже отражены вопросы, которые ставит субсидиарный должник, или те обстоятельства, которые установлены судом ранее, но они имеют значение для оценки возражений, то есть противопоставление возражениям субсидиарного должника может строиться на доводах тождественности или преюдиции ранее принятых судебных актов.

По мнению Е.Д. Суворова, легальный аргумент за неприменение принципа тождества заключается в том, что субсидиарный должник не являлся стороной в ранее рассмотренном деле, а в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ производство по делу прекращается только в том случае, если имеется судебный акт, вступивший в законную силу, и принятый по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям¹.

В отношении преюдиции легальным аргументом будет то, что в силу ч. 2 ст. 69 АПК РФ не доказываются вновь те обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу судебным актом другого арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, и в котором участвовали те же лица. Следовательно, неучастие субсидиарного должника в ранее рассмотренном споре, на который будет ссылаться заявитель, лишает заявителя возможности противопоставлять субсидиарному должнику обстоятельства, установленные судом ранее по другому делу.

Причем под участием мы понимаем статус основного участника по делу о банкротстве или основного участника по обособленному спору.

Способы защиты в этом случае сводятся к одному из двух вариантов:

- непринятие судом в качестве довода против субсидиарного должника и на основании его возражения такого судебного акта, в котором он не принимал участия;

- предоставление субсидиарному должнику права права на обжалование соответствующих судебных актов применительно к порядку обжалования кредиторами судебных актов с участием должника.

Развивая тему отдельных возражений, следует отметить, что возражение об отсутствии долга следует признать главным возражением из числа тех, что связаны с отношениями и деятельностью основного должника с кредиторами. В данном случае судом уже установлены требования

¹ Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов. с. 63

кредитора либо до включения в реестр кредиторов, либо имеется определение суда о включении такого требования в реестр кредиторов.

Такое возражение может быть связано с недействительностью сделки, на которой основано требование, или с исполнением этого требования, или неисполнением кредитором встречного требования, и может быть применено субсидиарным должником как против реестровых требований, так и против текущих, не включенных в реестр.

Важнейшим из состава личных возражений субсидиарного должника следует признать возражение о пропуске исковой давности. Согласно п.5 ст. 61.14 Закона о банкротстве заявление о привлечении субсидиарного должника к ответственности может быть подано в течение 3-х лет, когда заявляющее лицо узнало, или должно было узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, но не позднее 3-х лет со дня признания должника банкротом. Пункт 59 Постановления № 53 указывает, что срок исковой давности начинает течь с момента, когда добросовестный управляющий или любой независимый кредитор узнал о совокупности обстоятельств, перечисленных в Законе о банкротстве. Если эти сроки не совпадают, ввиду исключительности субсидиарной ответственности при банкротстве, давность следует исчислять от более раннего из них.

Важным в системе возражений следует признать и такое, которым утверждается наличие имущества у должника. Опровержение тезиса о недостаточности имущества у должника может быть основано на наличии у должника нереализованного имущества, либо на наличие требования к арбитражному управляющему о взыскании убытков. В рамках этого возражения субсидиарному должнику должна быть предоставлена возможность оспаривания проведенных торгов (заниженная цена, контролируемость отдельными кредиторами), оспаривание сделок должника, должна быть доступна возможность требовать у арбитражного управляющего взыскания дебиторской задолженности, отказа от договоров по ст. 102 Закона о банкротстве.

Весьма важным следует признать возражение об удовлетворении требования отдельного кредитора за счет реализации имеющегося у него обеспечения, в этом случае размер субсидиарной ответственности должен быть уменьшен. Аналогичное значение имеет возражение о получении удовлетворения отдельным кредитором путем зачета.

Поиск возможностей и результативная реализация защиты по всем вышеуказанным направлениям представляются нам необходимым и возможным. Последовательные действия бенефициаров и иных лиц, контролирующих деятельность своих компаний, юристов, адвокатов, судейского корпуса, рано или поздно помогут восстановить баланс конституционно значимых интересов применительно к субсидиарной ответственности в банкротстве, и будут способствовать упорядочению правоприменения в указанной категории споров.

В) Из приведенных выше умозаключений можно сделать вывод о том, что субсидиарная ответственность в своем нынешнем виде имеет сложную природу и спорный, местами искусственный характер. Все это указывает на необходимость совершенствования этого правового института, чтобы его содержание и форма не вызывали недоумения и отторжения как у участников этих общественных отношений, так у теоретиков, практиков, судейского корпуса – большого круга заинтересованных лиц.

Наиболее быстрым и эффективным способом видится внесение изменений в центральный абстрактный судебный акт – Постановление № 53. Учитывая приведенный выше анализ возможных споров об основаниях и возражений, кажется логичным включить в Постановление № 53 разъяснения о том, что привлекаемое к субсидиарной ответственности лицо вправе в обособленном споре:

- приводить возражения, имеющиеся у основного должника по делу о банкротстве даже если должник признал долг и отказался от возражения;

- приводить имеющиеся у него достоверные доказательства отсутствия требования у отдельного кредитора, даже если оно включено в реестр или подтверждено решением суда по другому делу;

- оспаривать сделки с имуществом должника, совершенные как самим должником, так и арбитражным управляющим;

- предъявлять требования к арбитражному управляющему и обжаловать его действия в связи с взысканием убытков, причиненных арбитражным управляющим;

- требовать от должника или арбитражного управляющего исполнять действия по взысканию долгов с третьих лиц перед должником.

В Закон о банкротстве, по нашему мнению, имело бы смысл внести нормы, запрещающие противопоставление лицу, привлекаемому к субсидиарной ответственности, судебного акта, вынесенного по спору, в котором оно не участвовало в качестве основной стороны.

Установить, что лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника до окончания рассмотрения всех его возражений по обособленному спору и жалоб на ранее вынесенные судебные акты по делу.

Указанные уточнения, по нашему мнению, помогут устранить наметившийся дисбаланс между интересами участников отношений в сфере субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц.

Помимо прочего, сохранению баланса конституционно значимых интересов с одновременным улучшением результативности рассмотрения дел о банкротстве может послужить реализация законодателем одной из многих альтернатив ныне существующей субсидиарной ответственности при банкротстве, путем ее трансформации, что представляется возможным.

В большинстве случаев на практике, когда возникает возможность и основания для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в результате банкротства, мы сталкиваемся с весьма непростыми отношениями между юридическим лицом – банкротом, и

множеством юридических и физических лиц, связанных с ним отношениями собственности, предпринимательской, хозяйственной и управленческой деятельности. То есть, когда имеется конкурсная масса, на стороне должника фактически тоже присутствует множественность. При этом в большинстве случаев можно говорить о корпоративной группе, но в целях банкротства прочие компании можно рассматривать как аффилированные с должником, но с отдельной юридической волей, даже если они имеют одних и тех же участников (акционеров).

В этом случае здоровой альтернативой субсидиарной ответственности, как средства защиты интересов кредиторов, представляется материальная консолидация, под которой, в отличие от процессуальной консолидации требований по нескольким судебным делам в требования по одному, объединенному, делу, нам представляется механизм рассмотрения имущества группы связанных между собой компании в целях банкротства одной или нескольких из них. Такая консолидация может быть устроена на принципах, предусмотренных разработанным ООН Руководством ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности, которое уже сейчас содержит ряд положений, хотя и достаточно общих, посвященных проблемам группы лиц в банкротстве.

В качестве основы для разработки национальных норм об ответственности третьих лиц по обязательствам несостоятельного должника можно было бы принять рецепцию норм из развитого европейского правопорядка, например, Германии, где развитие получила так называемая «пронизывающая ответственность», которая предполагает распространение ответственности по долгам юридического лица на иных субъектов.

«Пронизывающая ответственность» по германскому праву предполагает пренебрежение признаком самостоятельной ответственности корпорации по своим долгам; вместо этого самостоятельного субъекта права ответственность несет иное самостоятельное с правовой точки зрения лицо – участник объединения. По сложившейся практике, «пронизывающая

ответственность» возможна и возникает, когда: 1) участники не обеспечили хозяйственное общество капиталом (недостаточная капитализация); 2) участники общества не обеспечили его самостоятельность, и оно полностью зависит от них; 3) участник или участники так смешали свое частное имущество с корпоративным, что невозможно стало определить, за счет какого капитала, собственного или участников, общество несло бы ответственность.

В соединении с материальной консолидацией аналог «пронизывающей ответственности» в российском праве мог бы стать более логичным инструментом перераспределения ответственности перед кредиторами, предоставив возможность группе предприятий осуществлять в рамках рассмотрения судом дела о банкротстве общества в его связанности с другими обществами не только и не столько ликвидацию юридических лиц или весьма трудоемкое и дорогостоящее перераспределение капитала, но и оздоровление должника, с сокращением рисков для кредиторов, с приведением корпоративной практики оставшейся группы к устойчивой норме.

При этом субсидиарная ответственность в существующей коннотации могла бы остаться в российском правовом порядке, так как и ей нашлось бы место в системе регулирования отношений в связи с банкротством, особенно это касается несостоятельности единственного юридического лица, действовавшего на рынке без взаимодействия с контрагентами, не связанными с ним хозяйственно-управленческими связями, капиталом или имуществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного в настоящем исследовании анализа правовой природы субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц в контексте исторического развития данного правового института в российском праве, а также важных процессуальных особенностей привлечения лиц, контролирующих должника, к субсидиарной ответственности в результате банкротства можно в заключение сформулировать ряд важных теоретических выводов, а также рекомендаций в целях совершенствования российского законодательства.

1) правовая природа субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц неоднозначна, и носит в определенной степени искусственный характер, приобретенный в результате наделения ее, со стороны законодателя, признаками деликтной ответственности в исключительном порядке, для защиты имущественных интересов кредиторов несостоятельного должника. При этом, хотя субсидиарная ответственность при банкротстве не лишилась акцессорного характера в общем гражданско-правовом смысле, именно в рамках процедуры банкротства юридического лица субсидиарная ответственность в очень короткий промежуток времени трансформировалась в особый, самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности, подлежащий применению тогда, и только тогда, когда потенциальный субсидиарный должник злоупотребляет правом в отношении принципа ограниченной ответственности, действующей в конструкциях подавляющего числа юридических лиц. Это является его виной в причинении имущественного вреда имущественным интересам несостоятельного должника;

2) к отличительным признакам данного вида гражданско-правовой ответственности следует отнести и особый, достаточно широкий, субъектный состав, и специальные основания вменения, и процедуру применения. Применение субсидиарной ответственности при банкротстве призвано

защитить интересы кредиторов посредством увеличения конкурсной массы должника за счет имущества субсидиарных должников, которые являются контролирующими лицами по отношению к должнику-банкроту, а в некоторых случаях – за счет имущества их правопреемников. Лица, которым вменена субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника, в случае их множественности, несут субсидиарную ответственность солидарно, а в случае ее реализации имеют компенсационное право, сходное с правом регресса по отношению к должнику, хотя эта конструкция теряет всякий смысл в случае ликвидации должника-банкрота;

3) анализ хода реформирования законодательства о банкротстве в сфере субсидиарной ответственности показал, что законодатель придает ключевое значение возможности защиты имущественных прав кредиторов за счет средств субсидиарных должников. Законодатель, если не попытался подменить, то значительно ослабил технику судебного распределения бремени доказывания посредством внедрения широкой системы опровержимых презумпций, состоящей из фактов-предположений трех групп – трех презумпций знания заинтересованным лицом о причинении своим поведением вреда имущественным интересам кредиторов; трех презумпций контроля над должником; пяти презумпций ответственности лица, признаваемого контролирующим должника. Неопровержение лицом, которому вменяется субсидиарная ответственность, хотя бы одной из перечисленных презумпций позволяет суду принимать судебный акт по такому обособленному спору, полагая, что деликвент является контролирующим лицом, знал о причиняемом своим поведением вреде, наносимом имущественным правам кредиторов, и к нему подлежит применению субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника;

4) привлечение лиц к субсидиарной ответственности выступает как исключительный механизм восстановления нарушенных прав кредиторов.

Особенности регулирования того или иного типа субсидиарных обязательств определяют разного рода ограничения или дополнительные условия для субъектов субсидиарной ответственности в конкретном правоотношении, не только способствуя защите имущественных требований кредитора, но и обеспечивая разумное исполнение обязательства субсидиарным должником. В частности, учитывая деликтную природу ответственности контролирующего лица по обязательствам несостоятельного должника, правоприменитель в конкретных случаях требует доказать наличие причинно-следственной связи между виновными действиями заинтересованного лица и последствиями в форме конкретного вреда, но, так как доказать и измерить вред, причиненный действиями такого лица весьма затруднительно, а вина вменяется контролирующему лицу презумптивно, имеется совершенно реалистичная возможность реализации объективного вменения совершенно легально.

5) в результате внесения Законом № 266-ФЗ в Закон о банкротстве обширных изменений появилась возможность подачи заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности арбитражным управляющим, конкурсными кредиторами, уполномоченными органами, работниками должника на любой стадии дела о банкротстве, расширение возможности наложения обеспечительных мер на имущество контролирующего лица, возможность рассмотрения требований вне процедуры банкротства. Однако этим же Законом право контролирующих должника лиц полноценно участвовать в процессе банкротства в качестве основной стороны ограничено лишь обособленными спорами в связи с рассмотрением заявлений о привлечении таких лиц к субсидиарной ответственности. Таким образом, законодателем допущен дисбаланс прав и охраняемых законом интересов сторон процесса банкротства в пользу прав взыскателей (кредиторов);

б) исследование показало, что правовая политика в области субсидиарной ответственности по обязательствам должника-банкрота

изменилось очень сильно и теперь законодатель заинтересован в переложении рисков банкротства с самих кредиторов на третьих лиц, имеющих опосредованное отношение к должнику. По мнению автора, в настоящее время баланс интересов, нарушение которого происходит, носит важнейший, конституционно значимый характер, и выражается в ущемлении прав лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, на процессуальное равенство, на судебную защиту, ставя под сомнение общий гражданско-правовой принцип добросовестности участников оборота. Восстановление и соблюдение этого баланса является важнейшей задачей любого правопорядка, основанного на принципах равноправия и признаваемых гражданских свобод, к каковым относится и правовая система Российской Федерации;

7) на основании проведенного исследования, с учетом мнения ведущих ученых и авторитетных юристов-практиков, осуществляющих юридическую защиту участников в процессах банкротства, автором предложена трехзвенная система защиты интересов контролирующих должника лиц, включающая в себя превентивный этап и два способа процессуальной защиты (спор об основаниях и возражения против привлечения к ответственности при наличии оснований для отказа или смягчения ответственности). В силу того, что приведенный перечень конструктивных возражений очевидно не полон, так как правоприменительная практика еще складывается, данная система не претендует на звание «технологии» или «элемента юридической техники», хотя технико-правовые и технологические признаки в предлагаемых автором логических заключениях можно усмотреть.

В целях восстановления баланса конституционно значимых интересов при разрешении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве юридических лиц, автором предлагается, с одной стороны, внести в Закон о банкротстве нормы, и в абстрактный судебный акт ВС РФ дополнения разъяснительного характера, которые бы разъясняли

судам применение существующих в действующем законодательстве оснований для восстановления и соблюдения законных прав и интересов лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в рамках обособленных судебных разбирательств в делах о банкротстве.

По мнению автора, упорядочению отношений, связанных с возложением ответственности по обязательствам несостоятельного должника-корпорации могло бы способствовать имплементация и развитие в российском законодательстве альтернативных видов ответственности по принципу материальной консолидации и «пронизывающей ответственности», применением которых можно будет нивелировать противоречия, возникающие сейчас в случае применения субсидиарной ответственности при банкротстве, со сложившейся смешанной ее правовой природой, искусственной для логики акцессорного обязательства.

Тем не менее, следует рекомендовать владельцам и высшему руководящему составу юридических лиц не забывать о возможности привлечения к субсидиарной ответственности в случае банкротства данного юридического лица и, соответственно, учитывать это в своей деятельности (в том числе и при принятии стратегических управленческих решений).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РАЗДЕЛ 1 НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. №237.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 . Ст. 4815.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 1 (Часть I) Ст. 29.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 26 . Ст. 3206.
7. Федеральный закон «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). Ст. 2153.
9. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 48, Ст. 4746,

10. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
11. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
12. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 08 января 1998 г. № 6-ФЗ // СЗ РЫ. 1998. №2 Ст. 2222 (утратил силу).
13. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
14. Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.
15. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
16. Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 // Российская газета. 30.12.1992. № 1. Ст.6 (утратил силу).
17. Письмо Федеральной налоговой службы «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71656140/> (дата обращения 20.11.2020).

РАЗДЕЛ 2 ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, С.И. Роль правовых презумпций в контексте формирования института имущественной ответственности при банкротстве / С.И. Абрамов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С.52–63.

2. Алтухов, А.В., Левичев, С.В. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве / А.В. Алтухов, С.В. Левичев // Судья. 2018. № 4. С. 27–32.
3. Аракелов, С.А. Чекмышев, К.Н., Солдатенков, В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития / С.А. Аракелов, К.Н. Чекмышев, В.Ю. Солдатенков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 146–158.
4. Войниканис, Е.А. Иванов, А.Ю. Право четвертой промышленной революции в России: поиск точки опоры // Закон. 2018. № 5. С. 26–32.
5. Гутников, О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования / О.В. Гутников // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60.
6. Добрачев Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 172 с.
7. Евтеев, К.И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дисс. ... канд. юрид. наук / К.И. Евтеев. М., 2017. 220 с.
8. Егоров, А.В., Усачева, К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31–73.
9. Егоров, А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства - неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова / А.В Егоров, К.А. Усачева // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

10. Егошин, А.И., Сидоркина, Н.А. Генезис правовой природы некоторых условий гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств в СССР / А.И. Егошин, Н.А. Сидоркина // История государства и права. 2010. № 7. С. 25–39.
11. Кархалев, Д.Н. Охранительные обязательства по защите гражданских прав / Д.Н. Кархалев // Юридический мир. 2013. № 2. С. 21–36.
12. Коригова, М. М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны / М.М. Коригова // МИР. 2018. Т. 9. № 3. С. 460–474.
13. Короткова, В.А. Предвидимость договорных убытков / В.А. Короткова // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 1. С. 95–108.
14. Лавриненко, А.В. О некоторых вопросах, возникающих с применением презумпций при доказывании субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о несостоятельности (банкротстве) / А.В. Лавриненко // Вестник исполнительного производства. 2019. № 4. С. 47–56.
15. Ломакин, Д.А., Гентовт О.Б. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней / Д.А. Ломакин, О.Б. Гентовт // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 123–129.
16. Любимова, Е.Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов / Е.Е. Любимова // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 61–71.
17. Мифтахутдинов, Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы / Р.Т. Мифтахутдинов // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.
18. Михайлова, В.И. Роль правовых презумпций в процессе несостоятельности (банкротства) / В.И. Михайлова // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С.39–45.

19. Мороз, А.К. Круг субъектов расширился. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц неотвратима / А.К. Мороз // ЭЖ-Юрист. 2017. № 34. С.20–26.
20. Николаев, А.Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): дисс. ... канд. юрид. наук / А.Р. Николаев. М., 2013. 213 с.
21. Орленко, В. Привлечение руководителей и других контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства (последние законодательные изменения и особенности их применения) / В. Орленко // Трудовое право. 2018. № 4. С. 5–24.
22. Пирогова, Е.С., Жукова, Ю.Д. Обеспечение эффективности правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Перспективы развития законодательства о банкротстве / Е.С. Пирогова, Ю.Д. Жукова // Вестник арбитражной практики. 2012. № 5. С. 10–29.
23. Поздеева, Е.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц / Е.А. Поздеева // Право. 2019. № 12 (40) С. 404–408.
24. Радько, Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Академический проект, 2005. С. 708
25. Риски субсидиарной ответственности при банкротстве компаний во 2 кв. 2019 года бьют рекорды (стат-релиз) [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/7a67d405-167b-4de0-af52-b8dd43baa6fb?attempt=1> (дата обращения 20.11.2020).
26. Рыков, И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации / И. Рыков. М.: Статут, 2017. 192 с.
27. Семикова, Л.Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 160–198.
28. Суворов, Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника / Е.Д. Суворов. М.: Статут. 2020. 207 с.

29. Суворов, Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению / Е.Д. Суворов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. С. 130 - 161; № 5. С. 53–107.
30. Суворов, Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов / Е.Д. Суворов // Закон. 2018. № 7. С. 50–57.
31. Суворов, Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения / Е.Д. Суворов // Закон. 2013. № 12. С. 148–155.
32. Цепов, Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности / Г.В. Цепов // Закон. 2016. № 8. С. 98–120.

РАЗДЕЛ 3 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ И МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 12 марта 2013 г. № 8711/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 1996. № 5, 1997.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 марта 2018 г. № Ф05-1277/2018 по делу № А40-31272/15 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b332a19d->

5097-4989-9f02-2e91c85fe06d/fa260fba-c331 - 49d0 - aba2 - c6e14a09e4b2/A40-31272-2015_20180302_ Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).

5. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 2 апреля 2018 г. № 07АП-3827/2017(2) по делу № А27-15115/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/28c6f738-d08f-48ea-b97b-bfe26f831830/01afe031-7821-4243-92b1-02f6ac77054c/A27-15115-2016_20180402_ Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).
6. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2018 г. № 08АП-17464/2017 по делу № А46-13714/2014 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d17ae0ea-e840-43ca-88ee-ef6e9941ed3e/06817280-144c-44b9-adf8-9263368222da/A46-13714-2014_20180220_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2017 г. № 09АП-54144/2017 по делу № А40-102282/15 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/281fa018-e752-4329-bf3d-28454146ee4c/0c7bd2ad-5ebe-4f69-9d17-fb6e9fe4dba7/A40-102282-2015_20171206_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).
8. Определение Арбитражного суда Пермского края от 28 апреля 2018 г. по делу №А50-29035/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f14418f-e56d-4524-99a9-abe8c430de97/7edb48ab-33eb-4ba7-aba3-81eb15d2426d/A50-29035-2016_20180428_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.11.2020).